

ГЛАВА IV*

ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ¹ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВПО В МИРЕ

Мы зачастую слишком мало говорим об эмоциональной стороне дипломатии и международных отношений, а она играет все большую роль².

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Новая региональная система ПРО в Азии будет строиться поэтапно, с использованием тех же решений, которые уже были испробованы в Европе³.

*М. Кридон,
помощник министра обороны США*

Структура сценариев развития⁴ текущей и прогнозируемой ВПО и СО⁵ в мире представляет собой варианты динамического развития системы, ее отдельных субъектов и элементов при сохранении устойчивых взаимосвязей между ними под воздействием внутренних и внешних факторов. Кроме того, выбор того или иного сценария и возможных будущих мировых тенденций, составляющих современную и будущие парадигмы. Сказанное означает, что необходимо, прежде всего определить следующие субъекты, элементы и тенденции в развитии структуры сценариев ВПО, о которых говорилось в самом начале работы⁶.

В настоящей главе предлагается рассмотреть четыре основных сценария развития ВПО в мире обосновать их вероятность и спрогнозировать результаты развития таких сценариев ВПО.

Принципиально важно, чтобы оценка развития современных сценариев ВПО в мире происходила в контексте глобальных процессов, набирающих силу. Международная и военно-политическая без-

опасность — такое **состояние** международных отношений, при котором характерно отсутствие явных военных угроз и затруднено использование военной силы. Что в явном виде не существует. Это состояние пространственно является глобальным понятием, относящимся ко всем стратегическим направлениям и субъектам ВПО. С этой точки зрения для России является важным сохранение и укрепление подобного состояния во всех регионах и на всех континентах, естественно, в порядке приоритетности. Учитывая те достаточно ограниченные возможности влияния России на мировую ВПО, особая роль принадлежит политико-дипломатическим средствам нашей страны, а также гуманитарным возможностям.

В этой связи, особо следует выделить евразийский регион, который по своей приоритетности является наиболее важным с точки зрения безопасности для России и сценариев развития ВПО и СО в этом регионе. Подобная приоритетность важна потому, что от ее определения во многом зависит

* Данная глава подготовлена в соавторстве с аспиранткой МГИМО(У) О.А. Подберезкиной.

формулирование целей внешней и военной политики, в частности, готовности, например, к использованию военной силы как средству противодействия внешним опасностям и военным угрозам.

Надо отметить, что эта проблема является, пожалуй, самой актуальной для постсоветского пространства и действующих на нем международных, государственных и общественных субъектов. Не случайно, ОДКБ посветило специальный доклад этой теме, в котором описывались следующие сценарии, характеризующиеся высокими рисками и самой высокой степенью неопределенности⁷:

Сценарий 1. «Успешное международное сотрудничество». Ключевыми игроками в рамках данного сценария являются государства, включая как региональные, так и внерегиональные. Данный сценарий предусматривает ускорение модернизации на постсоветском пространстве и эффективное протекание евразийских интеграционных процессов в рамках многовекторных политик Центральноазиатских государств...

Сценарий 2. «Постепенный упадок». Международное соперничество нейтрализует попытки организовать эффективную помощь государствам Центральной Азии. Причем, на старое геополитические противоречия по линии США—Россия накладываются новые по линии США—Китай, что уже просматривается в рамках «доктрины Обамы», в частности, в политике «ребалансирования» военнополитического присутствия США в разных регионах мира. Активность негосударственных игроков, включая террористические, криминальные и коррупционные сети в сфере разного рода новых угроз безопасности (особенно, распространения религиозного экстремизма, транспортировки наркотиков, неконтролируемой миграции), становится более значимой, чем формальных государственных структур. Однако ситуация не выходит полностью из-под контроля ни по причине международного соперничества, ни по

причине образования «несостоявшихся государств». Этот сценарий хуже, чем первый, но лучше, чем следующие. Согласно экспертной оценке он обладает наибольшей вероятностью...

Сценарий 3. «Интенсификация „покой Большой игры“». Под «Большой игрой» понимается целенаправленное и активное подогревание международного соперничества теми, кто намерен получать выгоды от «хаотизации» региона. Международное соперничество обостряется, выходит из-под контроля и провоцирует дополнительную дестабилизацию в Центральной Азии. В результате этого террористическая и экстремистская деятельность, наркографик и другие новые угрозы безопасности растут. Тем не менее основными игроками в этом сценарии являются все-таки государства, которые, в том числе в своих геополитических интересах, могут поощрять отдельные коррупционные, криминальные и экстремистские группы. Этот сценарий менее оптимальный, чем три предыдущих, но, имеющий, согласно экспертной оценке, среднюю вероятность...

Сценарий 4. «Центральноазиатский взрыв» — катастрофический. Он предусматривает образование серии «несостоявшихся государств», не контролирующей свою территорию, простирающихся от северо-запада Пакистана, через Афганистан в постсоветскую Центральную Азию. В этом случае будет нарастать тенденция к росту числа наркогосударств, террористические и экстремистские группы установят прямой контроль над существенными территориями, а также резко вырастут миграционные потоки, в том числе из Афганистана в Центральную Азию и из Центральной Азии в Россию. Роль государств в определении региональной динамики резко уменьшится, а роль негосударственных новых игроков станет определяющей...⁸

Таким образом, прогноз долгосрочных тенденций, влияющих на реализацию различных сценариев, является основным подходом при попытке описать будущие сценарии развития МО и ВПО.

Четыре основных сценария развития МО и ВПО в мире

Если говорить о наиболее развитых странах, то при сохранении нынешних темпов технико-экономического развития шестой новый уклад будет сформирован в 2010–2020 годах, а в фазу зрелости вступит в 2040 годы. При этом произойдет новая научно-техническая и технологическая революция⁹/

Д. Рогозин,
вице-премьер России

Решающим фактором влияния на реализацию того или иного сценария развития ВПО в мире станет научно-техническая революция и способность государств к опережающему технологическому развитию, реализации НЧК.

Глобальные процессы неизбежно не только влияют на субъекты ВПО, но и трансформируют

существующую парадигму ее развития, более того, ведут к появлению принципиально новой парадигмы и возникновению новых сценариев развития ВПО. «Глобализация создает новую, транснациональную сферу жизни человечества. Происходят глубокие преобразования международного ландшафта. Продвигаются в направлении становления

полицентричной саморегулирующейся системы международных отношений. В мировой политике происходит укрепление роли международных сетевых структур»¹⁰ в мировой экономике и политике вызывают глубинные трансформации самих основ современного мироустройства.

Речь идет о двух взаимосвязанных процессах, формирующих сценарии ВПО, в оценке которых сходятся не только эксперты, но и политические деятели. В их основе лежит окончательный переход центра мировой экономики в АТР, где производится уже более 50% ВВП мира, и смещение в этот регион политических, экономических и военных противоречий между наиболее влиятельными субъектами мировой политики — США и КНР. В АТЭС, в которой участвуют 21 экономики Евразии и АТР, создается 54% мирового ВВП. Это, естественно, отражается на всей обстановке в мире, прежде всего, соотношении политических, экономических и военных сил. Наглядно результаты этих изменений видны в трансформации структуры мировых военных расходов, которая иллюстрирует современное состояние ВПО.

Военные расходы по регионам мира 1988 и 2012 гг.

	1988	2012
World total (consistent series)	1613	1745
World total (from SIPRI data release)	...	...
Geographical regions		
Африка	17,5	39,2
North Africa	3,8	16,4
Sub-Saharan Africa	13,7	22,7
Америка	620	780
North America	578	705
Central America & the Caribbean	3,8	8,5
South America	37,9	66
Азия и Океания	141	390
Central Asia	xxx	3,0
East Asia	100	302
South Asia	22,9	56,2
Oceania	17,6	28,2
Европа	777	407
Western Europe	329	286
Eastern Europe	371	100
Central Europe	76,6	20,6
Средний Восток	58,6	132

Об изменении соотношения сил за последние 20 лет свидетельствует динамика военных расходов по регионам. Как видно, резко сократились военные расходы в Европе при резком росте расходов в Азии (в 2,5 раза), в Восточной Азии — в 3 раза. Их доля

в общемировых расходах существенно выросла — с менее 10% до 20%. И почти сравнялась с военными расходами в Европе. Ожидается, что в ближайшие годы они существенно превысят европейские и сравняются с расходами США¹¹.

Дальнейшее развитие этих процессов может привести к окончательному формированию двух негативных для России сценариев эволюции ВПО к 2020 году. В их основе лежит борьба за природные ресурсы и транспортные коридоры, значение которых стремительно возрастает по мере развития двух центров силы — Евросоюза и стоящих за ним США, — с одной стороны, КНР и странами, которые будут вовлечены в их политическую орбиту, с другой.

Первый сценарий — дальнейшее расширение Евросоюза и НАТО с включением в его периферию Украины, Молдавии (и Приднестровья), Белоруссии, Грузии и Армении. Такое расширение ЕС неизбежно будет не только экономическим и гуманитарным, но и политическим, а затем и военно-политическим, когда в орбиту политики НАТО и его лидера США войдут все европейские постсоветские государства.

Если к этому сценарию добавить тенденцию формирования единой внешней и военной политики ЕС и США на юге, а также создание Трансатлантического партнерства (ТАП), то окажется, что Россия будет фактически изолирована не только от Европы, но и Ближнего и Среднего Востока.

Этот сценарий подтверждается множеством примеров. Так, например, в сферу ответственности стратегических командований США отнесены совершенно определенные регионы Евразии — Европейское и Центральное-азиатские командования, — которые практически совпадают со сферой ответственности НАТО и ЕС. Так, на утвержденном в апреле 2011 года плане объединенного командования эти направления и сферы ответственности четко обозначены¹² (рис. 1).

Второй сценарий развиваются самостоятельно, но параллельно с первым. Он будет характеризоваться расширением влияния КНР не только на страны АТР, но и на страны Центральной Азии, формированием зависимой от Китая коалиции государств, где особая роль будет принадлежать Казахстану и другим постсоветским государствам, а также Пакистану и Ирану, ряду других государств. Уже сегодня, например влияние Пекина на Султанат Оман больше, чем у Великобритании или США.

Соответственно растет и военная мощь Китая. Даже в той области, где США всегда были безусловными лидерами, — численности и качестве авианосных ударных группировок (АУГ), по некоторым оценкам, Китай обгонит США к 2050 году, а если учитывать способность КНР быстро использовать новейшие достижения НТР и технологий, — то в ближайшие десятилетия¹³.

В случае реализации этого сценария Россия окажется фактически расколота на европейскую

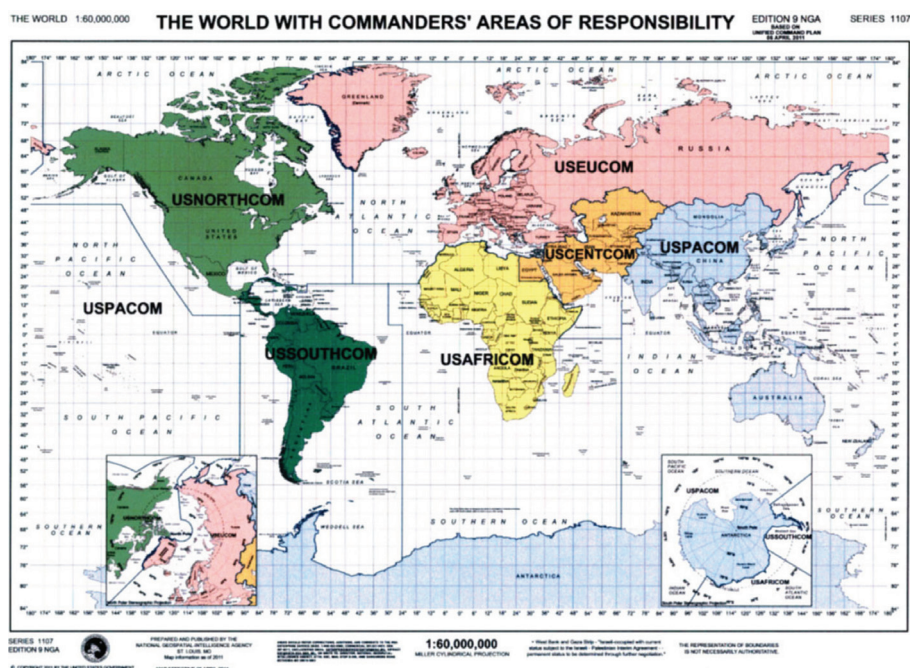

Рис. 1.

и азиатскую часть по границе с Казахстаном, т. е. практически до Южного Урала. Это приведет к сокращению ее возможностей контролировать огромную территорию и транспортную сеть из Европы в Азию.

Если же учесть огромное значение, уделяемое сегодня США созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП) в АТР, то и без того слабое влияние России в этом регионе будет сведено к нулю, относительно мощи КНР и США.

Развитие этого сценария неизбежно приведет к проблеме во взаимоотношениях между КНР и США, которая будет нарастать в АТР и особенно в Ю.-В. Азии. Важно, однако, не исключать возможность того, что между США и КНР может быть достигнут компромисс, в т. ч. за счет раздела сфер влияния и ресурсов восточных регионов России. США, например, могут допустить контроль КНР над ЦА и Казахстаном, а также Западной и Восточной Сибирью, в обмен на усиления своего влияния в Приморье и С.-В. Азии.

Третий сценарий предполагает объединение большинства исламских государств в коалицию, которая будет преследовать свои цивилизационные, религиозные, идеологические и экономические цели. Такая коалиция труднореализуема по разным причинам как религиозного, так и политического характера, но исключить такую вероятность нельзя.

Для России принципиально важно, чтобы такую коалицию не возглавили враждебные ей государства, а также, чтобы ее политические цели не приобрели экспансионистского характера.

Не исключается, что этот сценарий может быть разделен на два отдельных сценария — «прозападный» и «прокитайский», — когда отдельные ислам-

ские государства будут находиться под влиянием и входить в орбиту либо атлантического, либо китайского сценария развития ВПО.

Наконец, существует и единственно приемлемый для России возможный сценарий. России и ряду других евразийских государств предоставляется шанс для создания своей экономической и военно-политической коалиции во главе с Россией. Реализация данного сценария изначально потребует:

- четко сформулировать политико-идеологическую цель процесса евразийской интеграции и условия его реализации. ту национальную идею и идеологию, к которым, как справедливо заметил в своей речи на Валдае 19 августа 2013 года В. В. Путин, правящая элита в последние десятилетия «боялись даже притрагиваться»¹⁴;
- в соответствии с такой целью и частными (в т. ч. военно-политическими) задачами сформулировать привлекательную для других стран и народа России стратегию евразийской интеграции, в которой экономические аспекты сочетались бы с политическими и военными;
- проводить внешнюю политику со странами Евразии в соответствии с этими целями и задачами, сознательно реализуя сценарий развития ВПО на основе тенденции евразийской интеграции.

Таким образом развитие ВПО в мире возможно по четырем основным сценариям, которые допускают различные варианты. Важно подчеркнуть, что вероятность их реализации во многом будет зависеть как от политики субъектов ВПО и набирающих силу глобальных процессов, так и от политики самой России, ее способности влиять на эти процессы.

Четыре основных сценария и этапы развития ВПО в Евразии

I этап (2014–2020 гг.)	II этап (2020–2030 гг.)	III этап (2030–2050 гг.)
I сценарий: нарастание экспансии Евросоюза, включение в сферу влияния Украины, Молдавии, Закавказья; — формирование единой политики на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке; — девальвация остатков системы международной безопасности	— включение в состав Евросоюза Украины, Молдавии, Белоруссии и Закавказья; — превращение Германии из лидера в гегемона Евросоюза; — выделение ЕС из НАТО; — окончательный развал ООН и международных институтов безопасности; — распространение системы ценностей и права на Россию	— формирование федерации во главе с Германией в Европе; — усиление влияния на Россию, ее десоверенизация, возможность контроля над транспортным коридорами; — раздел ресурсов и территории с КНР в результате: а). соглашения; б). военных действий
II сценарий: расширение влияния КНР на Казахстан, страны Центральной Азии, Ирак, Иран, Пакистан	— включение ресурсов и территорий стран ЦА и Казахстана в китайскую империю	— раздел ресурсов и территории России с США и Евросоюзом
III сценарий: создание панисламской военно-политической коалиции, либо: — проатлантической; — прокитайской	— включение Северного Кавказа, ЦА и возможно Крыма в орбиту влияния; — укрепление исламской ценностной системы и создание элементов суверенности на постсоветской территории	— включение в сферу влияния Поволжья и Башкирии; — распространение влияния на этнические группы в центральной России и восточных регионах
IV сценарий: формирование евразийского центра интеграции вокруг российского ядра на базе СНГ, ОДКБ и других стран Евразии: — расширение экономической интеграции до политической и расширение ВТС; — пространственный выход интеграции за пределы 5-и стран ТС; — распространение интеграции на гуманитарную область; — создание системы евразийской безопасности и сотрудничества	— превращение «российского ядра» евразийской интеграции в политический центр; — создание евразийской военно-политической коалиции; — создание наднациональных политических и военных структур в Евразии; — включение в коалицию и союз некоторых стран Европы и Азии; — распространение единой евразийской системы ценностей и интересов; — создание системы военно-политической безопасности, включающей Евросоюз, Индию и КНР	— создание евразийского военно-политического союза с включением в него стран Ю.-В. Азии, С.-В. Азии и Индии

Обоснование структуры¹⁵ сценариев¹⁶ текущей и прогнозируемой ВПО¹⁷ и стратегической обстановки

... Этап зарождения шестого технологического уклада приходится на начало 2010-х годов...¹⁸.

Д. Rogozin,
заместитель Председателя
правительства Российской Федерации

Существующая и будущая структура сценариев развития ВПО в мире и в России предполагает анализ развития субъектов ВПО и взаимосвязи между ними. Такой анализ состоит из:

- описания современной структуры ВПО, включающей основные субъекты и взаимосвязи;
- предположения о наличии различных сценариев для различных субъектов ВПО;
- прогноза развития этих сценариев на долгосрочную перспективу.

Сделать стратегический прогноз ВПО и стратегической обстановки, с одной стороны, обязательно нужно, а, с другой, — чрезвычайно трудно: слишком

высока динамика развития событий в мире. Не случайно, эту сложность, выступая в декабре 2013 года в Генеральном штабе В. В. Путин описал следующим образом: геополитическое соперничество в настоящее время охватывает все новые регионы и сферы. Интенсивно идет процесс передела мира, который сопровождается распадом многонациональных и возникновением новых государств, роспуском и воссозданием различных союзов, изменением политических режимов и территориальных границ. Все это существенно влияет на расстановку политических сил в мире и регионах и нарушает биполярный баланс сил и интересов, а также меняет характер, содержание

Россия-2020: оценка и анализ влияния внешних факторов и военных угроз (измененная парадигма)

и масштабы прежних опасностей и угроз. Во многих случаях из глобальных угроз они трансформируются в региональные и локальные, приобретая все более сложный характер.

Серьезную озабоченность мирового сообщества стали вызывать терроризм, наркобизнес, религиозный фанатизм, распространение оружия массового поражения, участились конфликты на национальной и этнической почве. Из 215 стран, существующих сегодня в мире, только около 20 считаются этнически однородными, остальные в той или иной степени обладают потенциалом конфликтности. Приблизительно из 160 зон этнополитической напряженности неурегулированными являются около 80¹⁹.

Именно поэтому развитие анализа стратегического прогноза и создание ясного стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности и осуществление прогнозирования сценариев развития военно-политической и стратегической обстановки, международных и внутренних вооруженных конфликтов на долгосрочный период не может быть заменено прогнозом развития ВиВТ. Такой качественный анализ, в частности, предполагает:

- а) изначальную проработку методических основ анализа военно-политической ситуации и ее мониторинга, а также создания на этой основе базы для стратегического планирования;
- б) прогнозирование сценариев развития военно-политической и стратегической ситуации в мире, регионах и отдельных странах;
- в) прогноз возможного характера войн, международных и внутренних военных конфликтов

с точки зрения политических целей использования военной силы.

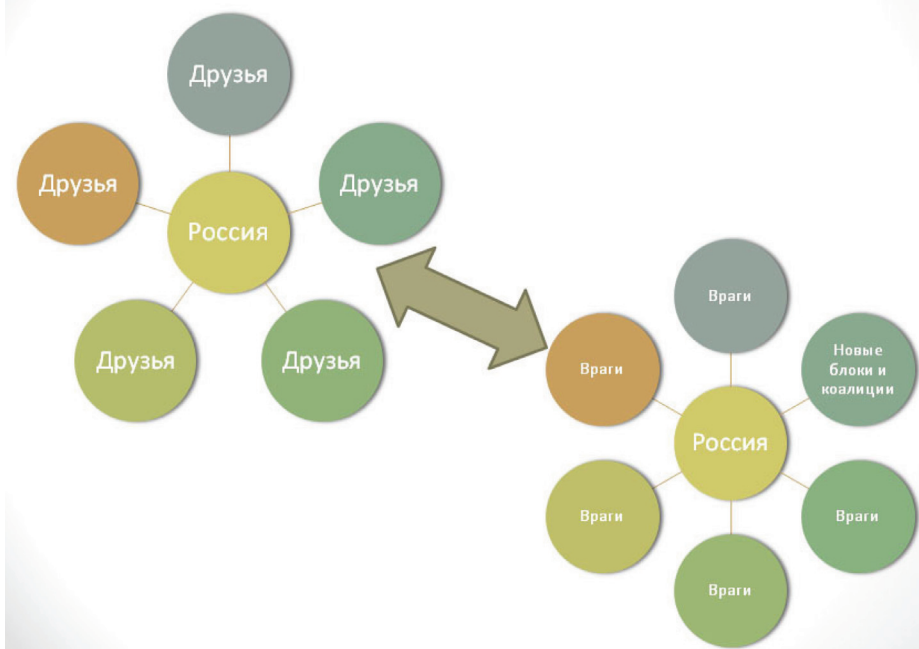
В науке, как известно, сложилась некоторая основа для стратегического прогнозирования и планирования, хотя очевидных преимуществ (как показывает практика) ни одна методика не дает. В целом существует три основных вида прогнозирования, принципиально отличающихся друг от друга, которые могут быть использованы при подготовке стратегического прогноза. Это:

- **линейное;**
- **классификационное;**
- **и нелинейное прогнозирование.**

Линейное прогнозирование в области международных и военно-политических отношений представляет собой анализ уже существующих парадигм и развитие тенденций, возникших в общепринятой парадигме, а также расширение их практического применения. Так, в 2012–2014 гг. отмечалась достаточно быстрая эволюция парадигмы безопасности в Юго-Восточной Азии, которая характеризовалась, по мнению известного востоковеда Д. Стрельцова:

- нарастанием напряженности в отношениях между Японией, Китаем, Южной и Северной Кореей;
- усилением националистических и даже милитаристских настроений;
- ростом недоверия к многосторонним механизмам обеспечения безопасности;
- усилением тех частей элит, которые делают ставку на увеличение национальных военных потенциалов;
- отходом Китая от «завещания» Дэн Сяопина об умеренной политике;

Россия-2030: стратегический многовариантный нелинейный прогноз (новые парадигмы)

- росту недоверия Южной Кореи и Японии;
 - рост обеспокоенности в странах Ю.-В. Азии относительно внешней политики Китая;
 - появление сомнений в отношении надежности гарантий и будущей политики США в регионе²⁰.
- Развитие этой ситуации вероятно выйдет за рамки линейного прогнозирования в ближайшие годы и потребует уже сегодня переоценки парадигмы ее развития в Ю.-В. Азии.

Классификационное прогнозирует объекты и явления, которые могут быть обнаружены, исходя из классификационной парадигмы, т.е. существуют в частных примерах.

Нелинейное прогнозирует новые парадигмы и последствия, которые в них возникнут.

Природа и методы этих видов прогнозирования различны, однако, как представляется, они вполне совместимы и могут взаимно дополнять друг друга.

Для линейного прогнозирования, как правило, достаточно использовать две типовые процедуры — «прямой экстраполяции» и «заполнения белых пятен», — однако с точки зрения международно-политической, у этих методик существует два крупных недостатка, которые необходимо обязательно учитывать.

Во-первых, быстрая динамика изменения ситуации, требующая постоянного мониторинга.

	Инерционный	Энерго-сырьевой	Инновационный
ВВП			
Темп роста 2020 к 2007	1,8 раза	2,1 раза	2,3 раза
на душу населения, по ППС, тыс. долл.	20	26	30
доля в мировом ВВП, %	3%	3,5%	4,3%
Инвестиции (2020 к 2007)	2,4 раза	3,6 раза	4 раза
Норма накопления % ВВП	25%	30–31%	31–32%
Доля инвестиций в высокотехнологичный сектор в 2020 году	14%	15%	16%
Энергоемкость ВВП (2020 к 2007)	70%	67%	59%
Доля нефтегазового сектора в 2020 году	13,2%	12,7%	11,1%
Доля сектора экономики знаний и высоких технологий в 2020 году	13,3%	16,9%	17,2%
Реальные доходы населения (2020 к 2007)	2,1 раза	2,4 раза	2,6 раза
Бедность к 2020 году	7,9%	6,7%	6,2%

Слайд из прогноза Минэкономразвития до 2020 года. Опубликовано в 2008 г.
С сайта Минэкономразвития.

Во-вторых, наличие огромного количества внешних факторов, которые необходимо обязательно учитывать. И первое, и второе требует большого объема аналитической и информационной работы.

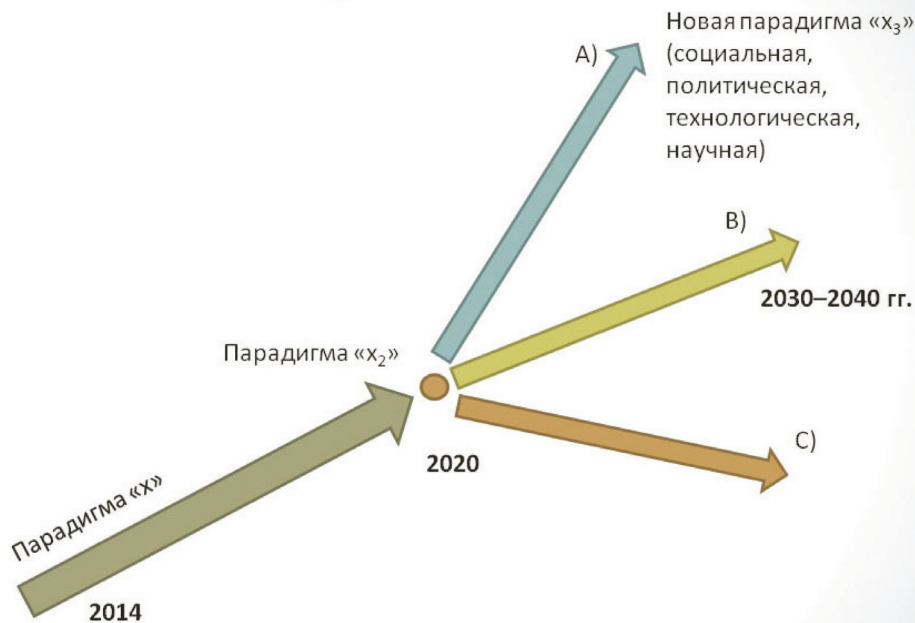
Поскольку линейное прогнозирование воспринимается намного проще нелинейного, последнее нередко вообще исключают из рассмотрения, хотя возможности применения линейного прогнозирования достаточно ограничены.

Линейное прогнозирование (даже с предложенными вариантами), как показывает практика, не отражает реалий и часто не отвечает практиче-

ским потребностям. Классический пример — прогноз МЭР социально-экономического развития, сделанный в 2008 году, который я критиковал в то время, и который полностью не оправдался к 2014 году.

В то же время при подготовке стратегического прогноза линейного прогнозирования экстраполяции не избежать. Он является фактически частью анализа и оценки военно-политической и международной ситуации в мире. Видимо, с него предстоит неизбежно начинать и первый этап подготовки стратегического прогноза. При этом надо помнить, что линейное прогнозирование — самый примитив-

Нелинейный прогноз до 2030–2040 гг.

ный, а поэтому самый распространенный вид прогнозирования, который может дезориентировать сознательно. Он заключается в прямом мысленном продолжении уже существующих, общепринятых тенденций и действующей парадигмы, хотя применительно к международным отношениям такой прогноз и наименее вероятен. За один год намерения и действия государств могут существенно меняться. Особенно, если в них происходят революционные социальные изменения. Так, события в Сирии, Египте, КНДР, Турции и ряде других стран только за 2013 год внесли существенные коррективы. Такое прогнозирование, как правило, не требует специальных механизмов для прогнозов, где социально-политическая составляющая минимальна. Для военно-политических прогнозов, наоборот, требуется постоянный мониторинг **всей системы** и использование дополнительных методов. Как минимум, экспертных оценок, которые должны носить оперативный характер.

Сказанное означает, что необходимо создание многофакторной модели развития международной ситуации, в т.ч. в режиме on-line, которую нужно поддерживать в текущем и постоянном режиме, например, на веб-сайте. Такая попытка предпринималась, на сайте «Евразийская оборона», где существует специальный ресурс, посвященный военным базам. В то же время должно быть ясно, что постоянное обновление такого ресурса потребует значительных усилий конкретных исполнителей-информационщиков и аналитиков.

Отказаться от линейного прогнозирования, таким образом, невозможно. Оно требуется ежедневно на самых разных уровнях — в экономике — от микроэкономического до макроэкономического, в военной политике — от анализа решений до оценки ВиВТ.

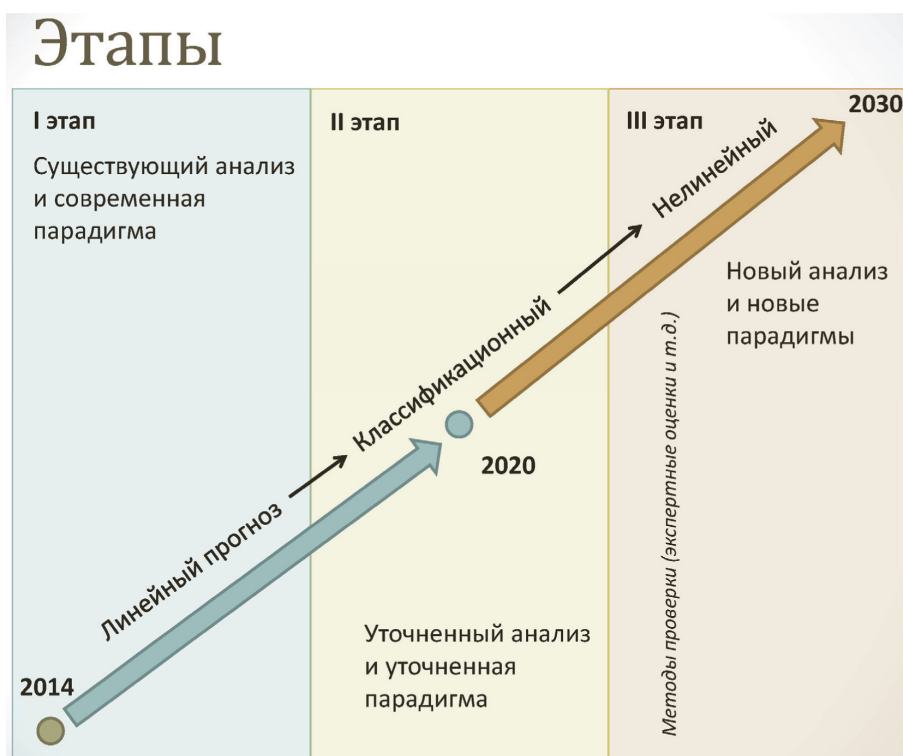
Поэтому справедливо разрабатываются многочисленные методики, которые пытаются компенсировать недостатки линейных прогнозов, в частности, методика экспертных оценок или «краудсорсинга».

Классификационное прогнозирование — промежуточный вариант между линейным и нелинейным прогнозированием, который может быть использован при анализе эволюции развития внешних и военных угроз. Особенно в среднесрочной перспективе. С одной стороны, это прогнозирование новых объектов и явлений, с другой стороны, прогноз осуществляется в рамках уже известной классификации и парадигмы.

Для долгосрочного прогнозирования неизбежно придется прибегнуть к методу нелинейного прогнозирования. Это прогнозирование предполагает замену парадигм или базовых элементов парадигмы. Такой, как правило, прогноз сложный, а в условиях метода проб и ошибок считается ненадежным, поэтому в среде «нормальной» науки к нему относятся с опаской. Нелинейное прогнозирование имеет только качественную экспертную форму. Нужно заметить, что механизмами нелинейного прогнозирования до сих пор, по разным причинам, всерьез никто не занимался. Поэтому представленные ниже процедуры неизбежно несут на себе печать ретроспективности. Чтобы проверить, обладают ли эти процедуры прогностичностью, для некоторых из них будут приведены прогнозы.

Для нелинейного прогнозирования нужно использовать схему развития научных представлений и процедуры талантливое мышления.

Таким образом, для стратегического прогноза ключевым понятием выступает понятие — «парадигма» — совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая

В этой связи предлагается провести работу в **три этапа**, применив все **три методики прогнозирования**, а также дополнительные методики.

На первом этапе дать анализ существующей ситуации ВПО в мире основных факторов, влияющих на военную безопасность России в широком контексте национальной безопасности и предложить краткосрочный прогноз до 2016 года, используя метод линейного прогнозирования. При этом важно учесть максимальное большое число внешнеполитических, технологических и военных факторов, а также доминирующие тенденции в самой России, попытаться сформулировать парадигму и создать общую модель.

На втором этапе, применив дополнительно методику классификационного прогнозирования, дать прогноз развития ситуации в мире до 2020 года. Причем как в отдельных регионах планеты, так и конкретных странах, учитывая проанализированные на первом этапе факторы и попытаться определить порождение новых тенденций.

На третьем этапе, используя методику нелинейного прогнозирования, предложить стратегический прогноз до 2030 года. Главное внимание в таком прогнозе предстоит сделать не только «продлению» периода классификационного прогноза, но и анализу вероятных будущих парадигм развития в мире и в России.

и разделяемая научным сообществом. Парадигма обеспечивает преемственность развития науки и научного творчества. При этом существующая (и не бесспорная в России) парадигма оценки международной ситуации требует постоянного уточнения, развития, а, **главное**, — поиск новых парадигм.

Важно также понимать, что стратегический прогноз нужен не сам по себе, а как важнейшая часть стратегического планирования, которое, в свою очередь, должно привести к выбору наиболее эффективной стратегии. Эффективность стратегии, в свою очередь, определяется способностью достижения в кратчайшие сроки необходимых целей и задач при минимальных затратах ресурсов. Поэтому

достоверность прогноза должна соотноситься со стратегическим планированием, и, в конечном счете, с национальной стратегией.

Иными словами, говоря о стратегическом прогнозе, мы должны в конечном счете понимать, что в итоге, «на выходе» должна быть сформулирована эффективная национальная стратегия, где эффективность противодействия внешним и военным угрозам является важной, но лишь одной ее частью.

Наконец, в целях верификации предлагается использовать контрольные методики «экспертных оценок», программно-целевой метод и некоторые количественные модели, которые могут создаваться в процессе исследования.

Сценарий дезинтеграции России и десоверенизации ее транспортных коридоров²¹

В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия ... переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности²².

Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года

В XXI веке ВПО будет во многом определяться борьбой субъектов международных отношений за природные ресурсы и транспортные коридоры через которые происходит поставка этих ресурсов, а также товаров и услуг. Резкий рост объемов внешней торговли, опережающий прирост ВВП, неизбежно ведет к росту потребляемых ресурсов, некоторые из которых становятся остро дефицитными. Причем даже те (как чистая вода, например), которые прежде не являлись таковыми.

Другая особенность — появления новых центров силы в Евразии и АТР, которые будут:

- претендовать на природные ресурсы;
- заинтересованы в транспортных коридорах для их доставки.

Эти две новые объективные тенденции неизбежно будут влиять на развитие международных отношений и ВПО в мире, превращаясь постепенно из международных реалий во внешние опасности и военные угрозы.

Россия — государство, которое граничит с 17 странами, 3 регионами: Европой, Центральной Азией и АТР. И к этим регионам уже можно добавить четвертый: Арктику. Обширные российские границы — это возможности для страны в экономике, политике, транзите и транспорте, которые пока мало используются. Транспортные коридоры являются жизненно важными

артериями для существования и экономического развития ведущих стран АТР и Европы.

Могущественные державы всегда возникали рядом с транспортными коридорами. Активная торговля — это одна из главных составляющих могущества государства, а транспортная инфраструктура — синоним способности государства контролировать свою территорию.

Благодаря своему выгодному географическому положению Россия может замкнуть на себя большую часть евроазиатских международных грузопотоков, но это же положение становится препятствием для развития отношений между отдельными регионами и странами, если ему мешает отсутствие инфраструктуры.

По данным Европейской конференции министров транспорта (ЕКМТ), за двадцать лет объем торговли между Европой и Азией увеличился в 6 раз, причем 99% грузов транспортируется морем. В ЕКМТ считают, что водный путь останется доминирующим на пути транспортировок, а развитие альтернативных маршрутов в основном должно служить стимулированию конкуренции с трансокеанским путем и поощрять образование дополняющих его смешанных транспортных цепочек.

Еще в 1990-е гг. бывший помощник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский отметил,

Эволюция некоторых международных реалий, характеризующих современную ВПО во внешние опасности и военные угрозы

Структура современной ВПО Объективные международные реалии		Структура ВПО к 2020 г. Внешние опасности и военные угрозы		Структура ВПО к 2030 г. Внешние опасности и военные угрозы		Структура ВПО к 2040 г. Внешние опасности и военные угрозы	
сильное влияние	очень сильное влияние	сильное влияние	очень сильное влияние	сильное влияние	очень сильное влияние	сильное влияние	очень сильное влияние
1. Дефицит природных ресурсов	→	Переход в стадию внешней опасности	→	Переход в стадию военной угрозы	→	Переход в стадию прямой военной угрозы и войны	
2. Контроль над транспортным коридорами	→	Переход в стадию внешней опасности	→	Переход в стадию военной угрозы	→	Переход в стадию раздела территории	
3. Территориальные претензии	→	Переход в стадию внешней опасности	→	Переход в стадию военной угрозы	→	Переход в стадию военного конфликта (войны)	

что Россия окружена с запада, юга и востока, не упомянув, правда, о потенциальных изменениях в такой преграде на севере, как затянутые льдом моря. Лды в Арктике тают, и вместе с ними тает и стратегия окружения и сдерживания России.

Расположение Мурманска и Архангельска, крупнейших городов Арктики позволяет сделать их узловыми пунктами транспортной сети, в которую входят шоссейные и железные дороги, а также морские пути, соединяющие все порты Арктического побережья и ведущие в Европу, Северную Америку и Восточную Азию.

В связи с активным таянием льдов, вызванным климатическими изменениями, появляется также вероятность создания в Арктике в ближайшие десятилетия новых глобальных торговых маршрутов, что привлекает внимание крупнейших торговых стран и судоходных компаний. В результате вопросы делимитации арктического шельфа и проблемы применимости международного морского права к Арктике превратились в важнейшие темы мировой политики.

Также открытие значительных углеводородных запасов на арктическом шельфе создало материальный базис для быстрого роста геополитического значения Арктики. Таким образом, Арктика впервые утратила статус периферийного района и оказалась в фокусе международного внимания.

Так, Северный морской путь в Арктике дает России возможность развивать сотрудничество с Китаем и Северной Европой, а также развивать свои северные территории, привлекать бизнес и инвестиции на строительство хабов, логистических центров, складских помещений и т.д. В 2011 г. продолжительность навигации по Северному морскому пути почти удвоилась, установлен новый рекорд по тоннажу перевозимых грузов.

Но не все страны согласны с единоличным владением Россией независимого транспортного коридора — кратчайшего коридора из Европы в Азию. Соединенные Штаты продолжают утверждать, что Северо-Западный проход и Северный морской путь являются международными проливами. Канада с таким подходом решительно не согласна. Ратификация Россией, Канадой, Данией и Норвегией Конвенции ООН по морскому праву в 1982 г. обеспечила расширение их национальных юрисдикций на арктический шельф шириной в 200 морских миль и на соответствующие исключительные экономические зоны.

Отказ американского Сената ратифицировать Конвенцию по морскому праву означает, что Соединенные Штаты не ограничивают ширину своего континентального шельфа в Арктике в принципе. В результате американцы могут использовать ресурсы арктического шельфа не только наравне с другими прибрежными странами, но и с определенными конкурентными преимуществами, так как финансовые и ограничительные обязательства Конвенции не мо-

гут применяться к США. Вместе с тем в 2008 г. Соединенные Штаты подписали Илулиссатскую декларацию пяти арктических прибрежных государств, а в 2013 г. Кирунскую декларацию Арктического совета, в соответствии с которыми взяли на себя обязательство действовать в соответствии с международным, в том числе морским правом. В утвержденной президентом Обамой 10 мая 2013 г. новой Национальной стратегии для Арктического региона указывается, что «хотя в настоящее время Соединенные Штаты не являются участником Конвенции, мы продолжим поддержку и соблюдение принципов, установленных обычным международным правом, нашедшим отражение в Конвенции».

Некоторые неарктические государства — члены НАТО выступили за то, чтобы изменить существующий международно-правовой статус арктического региона путем подписания специального договора по Арктике подобного Договору по Антарктике или трансформации Арктического совета в классическую международную межправительственную организацию, что означало бы де-факто заключение такого договора. Ссылаясь на глобальное значение устойчивого развития Арктики, они настаивают на установлении над ней режима международного управления, которое неизбежно затронуло бы суверенные права арктических государств на часть территорий и потребовало бы изменения международного статуса открытых морей, расположенных далеко за пределами региона.

Также происходит и милитаризация региона. Большинство военных структур НАТО в Арктике периода холодной войны сохраняется. Для поддержания боеготовности войск в регионе регулярно проводятся военные учения. В 2009 г. состоялись военные маневры *Loyal Arrow* с участием 10 государств, в 2010 г. учения *Cold Response* в районе норвежского Нарвика, в канадской Арктике регулярно проводятся маневры *Operation Nanuk*. На 2014 г. запланированы сухопутные и морские учения *Response Force* в Балтийском регионе, которым будут предшествовать учения по минному тралению. Государства-члены на ротационной основе осуществляют патрульные полеты боевых машин над территориями Исландии и балтийских государств. В дополнение к американской системе ПРО альянс размещает на Аляске, в Гренландии и в Северной Канаде радары и станции слежения оборонительной системы против тактических ракет. Возможность арктических стран — членов НАТО получить помощь союзников служит своеобразным страховым полисом на случай возникновения чрезвычайной ситуации.

На семинаре НАТО в Рейкьявике в январе 2009 г. определены новые вызовы безопасности — изменение климата, таяние арктических льдов, растущая доступность важных энергетических и морских ресурсов и потенциальное открытие новых навигационных маршрутов в Арктике. Участники пришли к заклю-

чению, что современные и будущие миссии НАТО в регионе связаны главным образом с поддержанием «мягкой» безопасности. Однако возможности блока справляться с невоенными рисками в Арктике весьма ограничены. Современные проблемы региона могут успешно решаться не методами военного давления, а средствами национальной политики арктических государств в зонах их юрисдикции и межправительственного взаимодействия в рамках Арктического совета и Совета Баренцева/Евроарктического региона и других организаций.

Особый интерес представляет арктическая стратегия Вашингтона как политического и военного лидера НАТО. Дорожная карта американских военно-морских сил в Арктике, опубликованная в октябре 2009 г., предусматривает расширение операций флота в северном направлении, приспособление боевых возможностей флота к условиям Арктики, усиление систем защиты от баллистических и крылатых ракет и обеспечение контроля над морскими пространствами. Соединенные Штаты планируют разместить 36 истребителей-невидимок F-22 Raptor и патрульных самолетов P-3 Orion на Аляске. Территории союзных США государств в Арктике служат местом дислокации американской системы противоракетной обороны (Аляска, Северная Канада, Туле на Гренландии, радар в Кефлавике, управляемый исландскими силами обороны) и американо-канадской системы НОРАД.

В «Совместной стратегии морской державы XXI века» США утверждает, что нынешнее развитие в Арктике представляет собой «потенциальный источник соревнования и конфликта за доступ к природным ресурсам».

Дания — член Арктического совета и НАТО, в Соглашении об обороне на 2010–2014 гг. предусмотрела модернизацию военных сооружений на Гренландии для придания датским боевым самолетам способности осуществлять мониторинг и обеспечивать суверенитет Дании в этом районе. Стремясь расширить возможности воздушного и морского патрулирования, датские военные запрашивают новые вертолеты, способные действовать в условиях Арктики, и патрульные суда, приспособленные для плавания в сложной ледовой обстановке.

Все это в дополнение к 48 истребителям F-16, четырем транспортным самолетам C-30 Hercules, 21 вертолету Sea King и 14 — Merlin, одному эсминцу с тремя вспомогательными судами, четырем фрегатам и большому количеству патрульных судов и судов поддержки, а также системам наблюдения и раннего предупреждения. Соглашение об обороне не связывает обеспечение национальных экономических интересов в Арктике с помощью со стороны НАТО. Оно предлагает объединить Гренландское и Фарерское командования в единую структуру и создать мобильные Арктические силы быстрого реагирования.

Дания также планирует модернизировать службы наблюдения за льдами и погодой, расширить

станцию «Север», военно-воздушную базу в Туле и воздушную базу в Кангерлуссияг, создать дополнительные армейские станции в Восточной Гренландии, а также обновить оборонительную инфраструктуру для поддержки инспекционных полетов на север и восток от Гренландии. Она намерена использовать также военно-воздушную базу в Туле, находящуюся в оперативном управлении военно-воздушных сил США в качестве места базирования датских самолетов дальнего действия, осуществляющих инспекционные полеты в регионе.

Канада рассматривает Арктику как неотъемлемую часть своей национальной идентичности. В декабре 2009 г. канадский парламент единогласно принял закон о переименовании морской арктической артерии страны в Канадский Северо-Западный проход, подтвердив тем самым его характер внутреннего пролива. Канада не позволила включить какую-либо ссылку на Арктику в новую Стратегическую концепцию альянса.

1 и 2 июня 2012 года госсекретарь США Х. Клинтон в ходе своего визита в Норвегию обсудила со своим коллегой, представляющим союзную по НАТО страну, проблемы борьбы за Арктику и арктические ресурсы. После переговоров Сторе и Клинтон дали совместную пресс-конференцию. В ходе нее Сторе провозгласил городок Тромсё с населением в 67 тысяч человек — «столицей Арктики», а США — ведущим государством в Арктике. Из содержания пресс-конференции становится ясно, что американцы обсуждают с норвежцами возможность интернационализации ресурсов Арктики и Северного морского пути. Кроме того, США и Норвегия выразили желание использовать институт Арктического совета для установления контроля над Арктикой и ее ресурсами, что представляет прямую угрозу позиции России в регионе.

Показательно, что на пресс-конференции ни разу не была упомянута Россия и особые российские интересы в Арктике.

Администрация президента Обамы настаивает на ратификации Конвенции о морях, который обеспечивает международную основу для изучения новых возможностей в Арктике. Мы соблюдаем международное право, конвенции, но мы считаем, что Соединенные Штаты должны быть участником, потому что Конвенция устанавливает правила движения, которые защищают свободу судоходства, обеспечивают безопасность на море, служат интересам каждой нации, которая пользуется морскими путями для торговли, а также устанавливает основу для разведки природных ресурсов, которые могут присутствовать в Арктике. И Соединенные Штаты, и Норвегия выразили намерение поощрять ответственное управление этими ресурсами.

Меняется и ситуация вокруг Финляндии, которая не является членом НАТО. Финляндия считает, что сотрудничество с Россией в военной сфере важно,

однако отстаивает суверенное право самой выбирать формат сотрудничества с НАТО на основании интересов национальной безопасности и интересов своей оборонной политики. В частности, относительно проведения совместных военных учений.

Финляндия активизировала свое сотрудничество с НАТО, так Хельсинки посылал своих военных в Афганистан, Ирак и Ливию и принимает участие в миротворческих операциях, проводимых альянсом.

Также в 2014 году вооруженные силы Финляндии пополнятся ста танками Leopard 2A6. Против каких сил Финляндия предполагает применение этих танков остается загадкой.

Однако и Россия, и США сходятся в том, что наиболее существенные угрозы для национальной безопасности обеих стран исходят от негосударственных акторов, которые могут воспользоваться свободными ото льдов водами Арктики для контрабанды наркотиков, оружия, организации нелегальной иммиграции и переброски террористов. Подобные тревоги разделяются и другими прибрежными арктическими государствами, в частности Канадой. Это служит дополнительным аргументом в пользу более тесного взаимодействия прибрежных арктических государств.

Первая встреча «Арктической пятерки» прошла в Илулиссате (Гренландия) в мае 2008 года. Тогда «Арктическая пятерка» подтвердила свои суверенные права на северные территории, воды, шельфы, биологические и природные ресурсы Арктики и обязалась регулировать противоречия в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и другими нормами международного права. Она отвергла идею «установления в Арктике международного режима управления».

Участники второй встречи «Арктической пятерки» в канадском Челси в марте 2010 г. заявили о намерении тесно сотрудничать по широкому кругу вопросов — от определения внешних границ их континентальных шельфов и заключения юридически обязательного соглашения о поиске и спасении терпящих бедствие до работы по установлению обязательного режима повышения безопасности судоходства.

Отстаивая совпадающие интересы прибрежных арктических государств от любых претензий со стороны других стран, «Арктическая пятерка» превратилась во влиятельный фактор международных отношений в регионе.

Россия также представлена в Арктическом совете, Совете государств Балтийского моря, Совете Баренцева/Евроарктического региона и в рамках Северного измерения.

«Арктическая пятерка» и Арктический совет занимаются различными проблемами, и их деятельность не противоречит, а дополняет друг друга.

В Арктический совет входит восемь государств: Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и США. Страны — члены альянса,

входящие в Арктический совет, совместно с Россией, Финляндией и Швецией заявили в Кируне в мае 2013 г., что решения на всех уровнях в Арктическом совете являются исключительным правом и ответственностью восьми государств, подписавших Оттавскую декларацию.

При последовательном проведении Россией курса на взаимодействие с арктическими странами на основе принципов международного морского права имеются все предпосылки для нейтрализации попыток оправдать более активную вовлеченность НАТО в арктические дела.

По сравнению с Арктикой регион Центральной Азии представляет больше поводов для беспокойства.

После образования новых государств в 1991 г. в Центральной Азии остро стоит проблема распределения водных ресурсов. Также остаются нерешенными территориальные претензии государств региона. Проблема Афганистана и усиление исламского экстремизма.

Внутренняя нестабильность угрожает Афганистану, Пакистану, Ирану, Индии. Збигнев Бжезинский сравнил дугу нестабильности в Азии с Балканами в прошлом веке. Так, в своей книге «Великая шахматная доска» он назвал регион Центральной Азии самым нестабильным, самым опасным регионом в мире.

Для России к этим угрозам еще добавляется угроза цветных революций. Политологи, специализирующиеся по данной теме, сходятся во мнении, что цветные революции — это, по существу, специальные модели осуществления государственного переворота, совершаемые во внеконституционном поле с применением политических, информационных, коммуникационных и морально-психологических методов воздействия. При этом принимается мощное давление на власть, которая предварительно деморализуется, лишается инструментов контроля ситуации в стране, опоры на силовые структуры, способные применить эффективные контрмеры.

Целями таких противоправных действий могут быть полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри- или внешнеполитического курса, замена государственным руководством на лояльные режимы, установление над страной внешнего контроля, ее криминализация и подчинение диктату со стороны других государств или международных преступных структур.

По оценкам экспертов государств — членов ОДКБ, опасность цветных революций выдвигается на первый план в ряду нетрадиционных вызовов, угроз и рисков для коллективной безопасности государств — членов ОДКБ.

Но роль ОДКБ в обеспечении безопасности в Европе весьма ограничена, прежде всего, политическими функциями и зоной ответственности. В ОДКБ во главу угла поставлены политические методы укрепле-

ния безопасности. Сузилось и пространство обеспечения такой безопасности: оно носит не глобальный, а региональный характер.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. первостепенными задачами для России являются нейтрализация угроз, исходящих из Афганистана, недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье. Под дестабилизацией подразумеваются развитие националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма и насильственного экстремизма.

В 1994 г. на острове Крит вторая Общевропейская конференция определила девять основных международных транспортных коридоров. Для РФ особенно важны МТК № 2 и № 9, проходящие по территории России.

МТК № 2 — маршрут Берлин — Варшава — Минск — Москва — Нижний Новгород. В 1999 г. на заседании Координационного транспортного совещания в Нижнем Новгороде между странами СНГ было подписано заявление о намерении создать транспортный коридор, соединяющий Китай, Казахстан, Россию и Белоруссию.

Если рано или поздно такой коридор будет создан, он включит в себя МТК № 2 и откроет выход на порты Азиатско-Тихоокеанского бассейна по направлению Запад — Восток.

Основными конкурентами проекта МТК «Восток — Запад» считается проект «TRACECA» (Европа — Кавказ — Азия). Строительство последнего пути активно лоббируется и финансируется Евросоюзом, он задуман скорее из политической (возможность влиять на кавказский регион), нежели экономической целесообразности, и поэтому его экономическая выгода остается под вопросом.

МТК № 9 является интермодальным (скоординированным по всем составляющим) транспортным коридором, проходящим от границы с Финляндией — Санкт-Петербург — Москва — Ростов-на-Дону — Новороссийск/Астрахань. Учитывая, что северо-западный регион РФ является единственной границей РФ с Евросоюзом, по МТК № 9 проходит значительная часть грузооборота со странами Европы. Этот МТК является соединением ряда транспортных составляющих, в него входят железнодорожный, автодорожный, морской, речной, трубопроводный, авиа транспорт.

Соглашение о создании этого МТК было подписано 12 сентября 2000 г. между правительствами России, Индии, Ирана и Омана. Впоследствии к соглашению присоединились Белоруссия, Украина, Казахстан и ряд других стран.

Для государств-членов ЕвразЭС — Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана — объемы взаимного торгового оборота и, следовательно, грузовых перевозок, которые на протяжении последних лет характеризуются быстрыми темпами роста (к 2020 году общий объем перевозки грузов может достигнуть 490 млн тонн, что более

чем в четыре раза выше показателей 2000 года), развитие транспортной инфраструктуры является ключевым элементом. Без этого невозможен дальнейший существенный рост объемов взаимной торговли и, как следствие, углубление экономической интеграции.

Транзитный потенциал ЕвразЭС сегодня, по оценкам экспертов, составляет порядка 220 млн тонн. К 2020 году возможно достижение показателя в 400 млн тонн, в т. ч. примерно 290 млн тонн грузов «тяготеют» к транзиту из стран ЕвразЭС в третьи страны. Очевидно, что для перевозки таких колоссальных объемов грузов необходима модернизация существующей транспортной инфраструктуры региона.

Однако необходимо отметить, что транзитный потенциал ЕвразЭС сегодня полностью не востребован. Лишь половина возможного объема грузопотоков проходит через страны Сообщества. Основной проблемой неиспользования транзитного потенциала является неспособность привлечь транзитные перевозки между двумя глобальными товаропроизводящими центрами — Европейским союзом и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Объем торговли между ними уже в ближайшие несколько лет достигнет \$ 1 трлн. Лишь 1% от общего объема грузоперевозок между ЕС и АТР на данный момент проходит через международные транспортные коридоры Сообщества, тогда как миллиарды «транзитной» прибыли приходятся на долю морских судоходных компаний.

Другими словами, транзитный потенциал в данный момент не реализован. Хотя проведены транспортные коммуникации на Востоке (Транссиб связан с китайскими, северокорейскими, монгольскими железными дорогами), в Центральноевразийском регионе (соединен с железными дорогами республик ЦА через Казахстан) и в европейской части (с Западной Европой через Беларусь).

Важное значение имеет контроль над транспортными коридорами в сфере безопасности. Источниками новых угроз стали нетрадиционные игроки международных отношений: наркокартели, террористические группировки, радикальные исламские организации.

Крупной проблемой для обеспечения безопасности транспортных коридоров в Центральной Азии может стать Афганистан. Прошедший в Бишкеке международный форум под эгидой Парламентской Ассамблеи НАТО продемонстрировал, что контртеррористическая операция в Афганистане так и не достигла желаемых результатов. Американское военное присутствие сохранится в Афганистане и после 2014 года.

Американские военные заверяют, что ситуация в стране хоть и сложная, но находится под контролем, как коалиционных сил, так и военнослужащих национальных силовых структур, которые за последние

12 лет были подготовлены в количестве более 270 тысяч военнослужащих. Именно им и предстоит решать вопросы безопасности в предстоящие годы. Как известно, в текущем году завершился, начатый два года назад, процесс передачи контроля над обеспечением безопасности Афганистана от военнослужащих НАТО национальным силам. Но объективно никто в НАТО или Вашингтоне сегодня не знает, что будет происходить в Афганистане после ухода коалиционных сил.

Вооруженные конфликты в стране только возрастают, в Афганистане невозможно свободно передвигаться по стране, где действуют террористические и экстремистские группировки. Особую тревогу вызывают действия радикальных экстремистов, которые все чаще берут под свой контроль населенные пункты на юге страны.

Еще одной проблемой станет борьба с наркотрафиком, который может пойти по транспортному коридору в страны Центральной Азии и дальше в Европу.

Власти Центральноазиатских государств почти полностью переложили ответственность за развитие событий в Афганистане на международное сообщество. Сосредоточив свое основное внимание на получение дивидендов от функционирования «Северного маршрута» для обеспечения военными грузами силы коалиции.

Совместные проекты стран Центральной Азии по наращиванию военного взаимодействия сегодня озвучиваются лишь на декларативном уровне.

Крайне низким остается уровень экономического сотрудничества. Из предложений по региональному взаимодействию по Афганистану можно лишь выделить озвученную представителями МИД Кыргызстана инициативу о строительстве железной дороги в рамках ОДКБ Кыргызстан — Казахстан — Россия, которая в будущем может стать одним из механизмов экономического взаимодействия с Афганистаном. Но пока одним из основных торговых-экономических партнеров этой страны является Китай.

Более того, за последние несколько лет обострились региональные конфликты, которые связаны с пограничными и водно-энергетическими проблемами. Межгосударственные противоречия представляют для Центральной Азии не меньшую опасность, чем действия боевиков из Афганистана.

Таджикистан, Киргизия и Узбекистан образуют «конфликтный треугольник». Во всех трех странах существуют внутренние факторы нестабильности, обусловленные межэтническими, клановыми и региональными противоречиями. Существует и опасность эскалации конфликта между Таджикистаном и Узбекистаном по поводу распределения водных ресурсов. Его главная причина — строительство Таджикистаном Рогунской ГЭС, которая, как опасаются в Ташкенте, приведет к возникновению де-

фицита поливной воды и проблемам с функционированием аграрного сектора, в котором занята большая часть населения. Весной 2012 года Узбекистан полностью прекратил поставки газа и заблокировал железнодорожное сообщение южных районов Таджикистана.

После инцидента на таджикско-киргизской границе 11 января 2014 года обстановка там по-прежнему остается напряженной. Конфликт произошел из-за строительства Кыргызской стороной автодороги Кокташ — Аксай — Тамдык, которая, входит в состав Республики Таджикистан.

В таких условиях создание транспортного коридора через территорию этих стран становится проблематичным, хотя оно может дать толчок для развития экономики этих стран, если бы такой коридор соединил АТР с Европой через территорию Центральноазиатских государств.

Самой быстрорастущей экономикой региона является АТР, но он зависит в значительной степени от судоходной торговли — как экспорта, так и импорта. Например, экономика Японии — вторая в мире по объему — построена на ввозе ресурсов, в особенности нефти. Ключевой игрок региона, Китай, также становится крупным импортером минеральных ресурсов.

Этим странам, как и Южной Корее и Тайваню, необходим доступ к Тихому океану, который контролируется военными силами США, а это может вызвать конфликт, так как дальневосточные государства в настоящее время не имеют необходимых ресурсов для эффективной защиты от возможной военной или экономической блокады со стороны США.

Существующий дисбаланс между экономическим ростом и военной силой приведет к тому, что Япония и Китай в течение ближайшего столетия будут наращивать военный потенциал, что несомненно вызовет реакцию США, обеспокоенных угрозой их владычеству в Тихом океане.

Это противостояние будет обостряться участием Кореи и Тайваня на стороне Китая и Японии, а также зависимостью азиатских стран от цен на нефть, что приведет к борьбе за морские торговые пути.

Для России привлечение грузопотока из стран АТР в Европу является необходимым условием для развития российского Дальнего Востока. Социально-экономическая деградация Сибири и Дальнего Востока России — причина, по которой Россия фактически так и не стала субъектом международных отношений в АТР — ни экономическим, ни торговым, ни финансовым, отчасти компенсируя это политическим и военным весом в регионе.

Развитие инфраструктуры крайне необходимо для улучшения экономического и социального положения в Сибири и на Дальнем Востоке. Под инфраструктурой понимаются: самолеты, суда и спецтранспорт, аварийные участки дорог, работающие на пределе возможностей и мощностей, элементы

энергоснабжения. Многие инфраструктурные объекты находятся в аварийном состоянии. Техногенные угрозы могут ударить по будущему макрорегионов востока России не меньше, чем депопуляция. Достаточно вспомнить катастрофу на Саяно-Шушенской ГЭС или постоянно замерзающие из-за прохудившихся труб поселки.

Особенно серьезные инвестиции необходимы транспортным коммуникациям — как внутри Дальнего Востока, так и для его связи с европейской частью России. Большое значение имеют увеличение пропускной способности БАМа (к 2015 году она должна увеличиться как минимум в три раза), развитие восточных портов и малой авиации. Расширение транспортно-логистических возможностей Дальнего Востока позволит ускорить сотрудничество со странами АТР, что, в свою очередь, будет способствовать не только притоку зарубежных инвестиций и созданию новых рабочих мест, но и появлению современного оборудования и передовых технологий.

Задача создания транспортных коридоров Запад — Восток и Север — Юг по территории всех восточных регионов означает не только создание новых транспортных путей сообщения, но и системы инфраструктуры, включая связь, информатику, логистику, таможенные терминалы, сервисы, сопутствующие производства и т.д.

Задача ускоренной интеграции восточных регионов в АТР, включая двустороннее сотрудничество регионов, приграничную торговлю, зоны льготной и беспощинной торговли. При этом крайне важно, чтобы к решению этой задачи был привлечен не только федеральный центр, но и развитые регионы России.

Экономику проблемного региона решено сориентировать на экспорт в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в особенности в Китай.

ВРП Дальнего Востока — менее 5% ВВП России. В таком маленьком рынке обеспечить опережающее развитие невозможно. При этом Дальний Восток находится в новом очаге экономического развития — АТР, ВВП которого составляет более двух третей мирового ВВП. Ежегодный импорт семи крупнейших стран региона — около 6 трлн долл., в том числе несырьевого — 4,9 трлн. Тот импорт, который уже есть по факту в АТР и будет расти, — это потенциальный экспорт производств, которые могут разместиться на Дальнем Востоке. Примерные расчеты показывают, что, если 2% объема импорта стран АТР будут экспортироваться с Дальнего Востока, это минимум удвоение ВРП, хотя на самом деле гораздо больше.

Многие эксперты говорят о том, что без Транссибирской железной дороги Россия не была бы территориально целостной страной. Историческая роль этой магистрали состоит в объединении российских регионов. Без нее нельзя развивать Дальний Восток.

Но слабым местом магистрали всегда являлась ее низкая пропускная способность. Именно это стало одной из причин поражения в русско-японской войне: через Транссиб можно было провести только три воинских эшелона в сутки. До сих пор проблема модернизации этой дороги, повышения ее пропускной способности, скорости и безопасности транзитной перевозки полностью не решена. А ведь без этого невозможно развивать Сибирь и Дальний Восток.

Угроза сепаратизма — территориальная и социальная отнюдь не теоретическая для восточных регионов. Происходит экспансия клановых и этнических групп, которые берут под контроль постепенно не только отдельные предприятия, но и целые населенные пункты и отрасли.

Крайне необходима реализация проектов по развитию инфраструктуры для повышения доходности угольных перевозок и обеспечения спроса на перевозки угля. Причем в приоритете должны находиться проекты по расширению пропускной и провозной способности существующих высокоинтенсивных железнодорожных линий.

В 2012 году экспорт угля составил 131,9 млн т, 12% объема мирового экспорта угля. Уголь является одним из основных видов грузов для железнодорожного транспорта России. Так, по данным эксперта, доля каменного угля в грузообороте железнодорожного транспорта составляет соответственно 24,2% и 34,7%. В кризисные для экономики периоды возрастает стабилизирующая роль угля в грузообороте железных дорог. Стабильная погрузка угля не позволяет общей погрузке проваливаться до критических значений.

Транспортная система является одним из необходимых факторов эффективного функционирования экономики страны и важнейшей инфраструктурной основой устойчивого роста. В современных условиях, когда экономики стран связаны воедино в сети мирового производства, развитие эффективно работающих транспортно-коммуникационных систем является необходимым условием для того, чтобы развивающиеся страны внедрились в эту глобальную сеть.

Таким образом, развитие транспортной системы и инфраструктуры будет способствовать:

- противодействию экономическим кризисам;
- решению проблем экономического роста российских регионов, которые угрожают территориальной целостности России;
- сотрудничеству со странами Центральной Азии и их вовлечению в интеграционные объединения, что дает площадку для дискуссий и возможности предотвращения вооруженных конфликтов;
- доминированию России в Арктике при недопущении интернационализации СМП;
- созданию для стран АТР новых возможностей при использовании российских транспортных коридоров, развитию сотрудничества и более заметной роли России в регионе АТР.

Изменение значения Евразии для ВПО в мире и внешней политике России как важнейшее условие реализации всех сценариев

Очевидно, что наше движение вперед невозможно
без духовного, культурного, национального самоопределения.
Иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам...²³.

*В. Путин,
Президент России*

В рамках пересмотра внешнеполитического курса России осуществляется проект
евразийской интеграции, нацеленный на создание политической и экономической
структуры, объединяющей постсоветских государств, — Евразийского союза²⁴.

*Д. Тренин,
директор московского отделения
Центра Карнеги*

Значение тех или иных регионов в мире для глобальной ВПО различается существенно. Она определяется как значением расположенных в этих регионах государств, их политической, экономической и военной мощью, так и геополитической обстановкой, степенью конфликтности и многими другими факторами.

Евразия всегда играла исключительно важную роль в истории человечества, а войны на ее территории имели историческое и глобальное значение. Особенно в XX веке, когда в мировые войны, начатые в Европе, оказались втянуты практически все страны мира.

В XXI веке ВПО в Евразии стала фактически определять ВПО обстановку во всем мире, а радикальное изменение в соотношении сил в мире внесит существенные коррективы в настоящую ВПО и в перспективе в еще большей степени в будущую ВПО. Принципиальные изменения для России происходят прежде всего в следующих областях (рис. 2).

В XXI веке центральным, ключевым звеном в ВПО в мире станет Евразия, особенно ее центральная часть — Россия, — которая лежит не только в центре всего континента, но и на границе между тремя важнейшими центрами силы — Евросоюзом и США, Китаем и исламским миром, а в перспективе — Индией.

При этом ее экономический и военно-политический потенциал становится несопоставим с потенциалами этих центров силы, что угрожает ей непосредственно потерей не только своего влияния на континенте, но и способности контролировать свои транспортные коридоры, природные ресурсы и территорию.

Россия не очень успешно пытается обустроить свое новое место в экономическом и политическом ландшафтах современного мира во все усложняющихся условиях. Она выступает с единственно возможных для нее позиций как последовательная

сторонница гармонизации, становящейся «все более сложной, динамичной, неустойчивой и все менее предсказуемой международной системы». И это сегодня единственно возможная стратегия для России, которая вместе с тем, вряд ли представляется реалистичной: «публичная дипломатия и «мягкая сила» только тогда достигают своего идеала, когда страна обладает притягательной для внешнего мира идеей или идеологией, а также социально-экономическими достижениями и военными возможностями. Это эксклюзивные ресурсы. Они в полной своей мере проявились в революционной и наполеоновской Франции, молодого Советского государства, в виде «американской мечты» поколения 1940–1960 гг., отчасти в идеологии интеграционного европеизма, к сожалению, в идеологии воинствующего ислама. Ни четкой стратегии развития страны, ни привлекательной идеи, в т.ч. для Евразии, Россия пока что не предложила. Нет и особо выдающихся результатов в социально-экономическом развитии. Что, естественно, не может не сказаться на ее положении в Евразии и АТР.

В связи с радикальными изменениями в Евразии особое значение имеют шаги, предпринятые в РФ в 2012–2013 гг. по формированию диалога относительно евразийской экономической и политической интеграции на всех уровнях — от экспертного до правительственного. Эта инициатива имеет не только экономическую, но и серьезную историческую, культурную, духовную и гуманитарную основы. По сути своей за последние десятилетия эта идея стала первой глобальной идеей России, которая могла бы стать привлекательной и для других стран. Учитывая объективный перенос центра тяжести международного соперничества в цивилизационную область (о чем говорилось выше), эта идея стала во многом альтернативой идее ЕС.

В идейном фундаменте современной европейской интеграции, как свидетельствуют историографы

Основные тенденции в развитии ВПО в Евразии.

– меняется структура и, относительно значение всех элементов и субъектов ВПО, в пользу быстро развивающихся стран Евразии и АТР, а также исламского мира. Это ведет к абсолютному росту их военной мощи и другим военным политическим последствиям, в частности:

- увеличению военных расходов быстрее, чем в других регионах и странах мира;
- диверсификации и деидеологизации ВТС, большую ориентацию на передовые технологии, а не, как прежде, на политическую позицию (в частности, эксперт ВиВТ России вышел на рынки Ю.Кореи);
- самостоятельному созданию новых видов и систем ВиВТ не только в крупных странах (Китай, Индия, Иран, Япония), но и относительно небольших государствах, например, в Израиле;

– формируются новые политические и военные коалиции, которые могут не только ослабить влияние России на континенте, но и привести в итоге к разделу ее ресурсов, территории и десоверенизации. Речь идет прежде всего о двух военно-политических центрах силы – Евросоюзе и Китае, – чья экспансия на западе и в Центральной Азии и в России создает видимую внешнюю опасность. Но нельзя недооценивать и два других процесса – консолидации исламских государств и «фактора Индии», который неизбежно скажется в будущем по мере того как 1,5 миллиардная страна превратится в экономического и военно-политического гиганта;

– происходит значительное падение политического, экономического и военного влияния России в АТР и в странах Средней и Центральной Азии, а также Европы. Фактически Россия превратилась из глобальной в региональную державу, обладающую некоторыми атрибутами великой державы, а именно:

- стратегическими ядерными силами и ВКО, а также способностью к их экспорту;
- членством в Совбезе ООН;
- геополитическим положением;
- наличием значительной части мировых природных ресурсов, в т.ч. остродефицитных;
- способностью контролировать транспортные коридоры на суше и морские акватории.

Очевидно, что это – конкурентные преимущества, которые надо развивать;

– нарастающее потребление природных ресурсов по мере ускорения развития (от энергетических ресурсов до запасов пресной воды) ставит проблему острого дефицита ресурсов и международного контроля (что хорошо видно на примере Арктики) в практическую военно-политическую плоскость уже на перспективу до 2020 года, а тем более до 2030. Учитывая же, что основными потребителями становятся быстро растущие экономики стран Евразии и АТР, очевидно усиление конфликтности ВПО;

– ускоряющийся процесс глобализации, усиление роли внешней торговли между Западом и Востоком, по-новому ставят проблему транспортировки товаров и контроля над наземными, воздушными и морскими транспортными коридорами. Контроль над грузопотоками и перевозками, передачей информации становится критически важным для быстро развивающихся государств Евразии и АТР.

Эти и другие процессы в мире и в Евразии ведут к **обострению международной ситуации и ВПО** в Евразии, неизбежному росту конфликтности и усилению вероятности военных конфликтов и войн. Параллельно с этой опасной тенденцией в XXI веке начались процессы, которые в еще большей мере усиливают вероятность развития подобного сценария. Не замечать или недооценивать их негативные последствия нельзя. По сути дела они ведут к смене всей парадигмы, фундаментальных представлений о мироустройстве, роли внешней политики, международных организаций и готовности использовать военную силу. Речь идет прежде всего:

Негативные процессы, влияющие на ВПО в Евразии

– фактическом отказе субъектов международных отношений и ВПО от создания эффективной системы международной безопасности, также как и от аналогичных систем в Европе, Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в АТР;

– девальвации значения существующих институтов безопасности (ООН, Совбеза, ОБСЕ и др.);

– игнорировании норм международного права, «переписываний» толкований и соглашений по обеспечению международной безопасности;

– стремления создать национальные системы безопасности, опирающиеся на двусторонние или многосторонние договоренности;

– попытках девальвировать понятия «суверенитет», «национальные интересы», «ценности», либо придать на выгодное толкование;

– навязать другим странам свою систему ценностей и толкование мирового мироустройства в т.ч. с помощью военной силы.

Рис. 2.

ЕС, лежит общая история — от Римской империи и империи Карла Великого до предложений создать Соединенные Штаты Европы после Первой мировой войны и созидания Евросоюза после Второй. Сегодня в Евросоюзе и США основной упор делается на продвижении своих систем ценностей, которые иногда даже считаются более приоритетными, чем интересы национальной и государственной безопасности.

Поэтому «евразийская идея» В. Путина имеет огромное практическое политическое значение, которое до сих пор еще не до конца оценено по достоинству в России²⁵. Но, кстати, вызвало самый острый и даже болезненный интерес за рубежом, что свидетельствует, безусловно, о большом политическом потенциале и значении в будущем для нашей страны. Прежде всего с точки зрения усиления политико-дипломатического и гуманитарного влияния России в Евразии.

В основании путинской идеи евразийской интеграции такие можно обнаружить Скифский союз, Тюркский каганат, Монгольское ханство, Новгородскую и Киевскую Русь, Российскую империю, наконец, СССР и СЭВ-ОВД, которые в свое время в той или иной степени оставляли одинаково глубокие следы в судьбах евразийских народов. Но не только. Можно обнаружить и ценностную, геополитическую и цивилизационную общность с другими народами Евразии. Поэтому Россия может и должна претендовать на роль центра евразийской интеграции по аналогии с ролью Германии в ЕС и в истории Европы. Аналогия здесь вполне уместна: если Германия сегодня по существу создает новую империю на базе Евросоюза, повторяя во многом историю Европы, то и Россия вполне может претендовать на такую же роль в Евразии. Русский народ создал самое обширное в мире могучее многонациональное государство, продвигаясь от Киевской и Новгородской Руси к Московскому царству и Петербургской империи. История России начиная с XII века это, по существу, и история освоения ею Евразии. Сначала новгородцами, основавшими свои поселения в Югре и на севере Европы, походами Ермака в XVI веке и первым российско-китайским договором 1689 г., затем выходом на берега Тихого океана (и даже основанием русских поселений в Северной Америке).

В начале XVIII века благодаря русскому народу в Евразии сложилась империя — целостное образование с выходом к Белому, Балтийскому и Каспийскому морям а также к могучим сибирским рекам²⁶.

Проект евразийской интеграции В. В. Путина фактически учитывает уникальность места, занимаемого в Евразии Россией, которая соединяет восточную, западную и южную части всего континента, обладает статусом одной из пяти стран-цивилизаций, «сухопутного океана», информационно-коммуникационного и транспортного узла мирового значения²⁷. Сохранение культурного ядра русской, российской цивилизации должно стать **решающим аргументом**

при выборе тех или иных инструментов и ценностей современной модернизации России.

Вместе с тем без тесного сотрудничества и интеграции со странами СНГ, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, стран Тихоокеанского региона вряд ли Россия сможет реализовать свои интеграционные намерения и решить задачи по упрочению своих позиций в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому интеграционная стратегия должна быть ясно ориентирована:

- на все государства Евразии, включая европейские государства и страны Юго-Восточной Азии;
- исходить из необходимости развития отношений во всех областях, включая военно-политическое и военно-техническое сотрудничество.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на место и роль в процессе такой интеграции российских территорий, расположенных к востоку от Урала. Это 74,8% всей территории и 20,35 всего населения Российской Федерации (в СССР — 57,1% и менее 10% соответственно). Огромное значение не только для России, но и для всей Евразии и АТР имеют расположенные в этих регионах природные ресурсы. По итогам 2012 г. от 68 до 75% всего экспорта страны составили товары, добытые или первично переработанные в Сибири. По существу два налога — на добычу полезных ископаемых и экспортная пошлина на нефть и газ, обеспечили 50,7% всех доходов федерального бюджета.

Вместе с тем в российской правящей элите до сих пор нет четкого понимания геополитического значения опережающего развития восточных регионов и их роли в евразийской интеграции, хотя в 2012 и 2013 годах и были приняты некоторые решения. Это был вынужден признать в начале 2014 года Президент страны.

Здесь можно проследить два подхода в российской правящей элите к развитию восточных регионов: геополитический, требующий почти 20-кратного увеличения финансирования программ опережающего развития, то есть до 10 трлн руб. (хотя Минфин и заявил, что заложенная в ней доля федерального правительства в 3,8 трлн руб. примерно в 14 раз превосходит возможности бюджета), и финансово-макроэкономический, исходящий из ранее определенной суммы, представленным Минфином бюджета.

Говоря о вероятности четвертого, интеграционного сценария развития ВПО в Евразии, по всей видимости, можно говорить о необходимости разработки и принятия общенациональной программы освоения восточных регионов, которая могла бы сконцентрировать и мобилизовать на решение этой задачи ресурсы не только государства, но и бизнеса, и всего общества. До тех пор, пока не будет реализована новая индустриализация Сибири и Дальнего Востока, позиции России в Северо-Восточной, Юго-Восточной Азии и во всем стремительно развивающемся АТР будут слабыми, а сценарий разви-

тия ВПО — нереалистичным. Более того, развитие восточных регионов может стать основой для всего сценария военно-политической интеграции в ближайшие десятилетия.

Главные стратегические цели России в Евразии

Влияние России на формирующуюся новую ВПО в Евразии должно обосновываться вполне определенными и конкретными стратегическими целями в евразийской интеграции. Так, например, надо ясно осознать, что главной **стратегической целью евразийской интеграции для России является обеспечение ее суверенитета** и контроля над природными ресурсами и транспортными коридорами. Борьба за ресурсы и контроль над транспортными коридорами — **центральное противоречие** в XXI веке, которое с высокой степенью вероятности приведет к военным конфликтам и войнам. Этот вывод подтверждает вся динамика взаимоотношений между странами не только на востоке, но и на западе Евразии. Для этого нужны прежде всего союзники и ресурсы, а также потенциальные выгоды, которые могут вытекать из идеи интеграции.

Вторая стратегическая цель — опережающее развитие зауральских регионов прежде всего в областях, от которых зависит территориальная целостность и суверенитет России: наукоемких технологий, транспортно-коммуникационной, промышленно-производительной, научной и культурно-образовательной. Эти же области и отрасли являются основой развития ОПК и всего потенциала, влияющего на евразийский сценарий развития ВПО.

Третья цель — выход на новый уровень военно-политических отношений с Украиной, Белоруссией, с одной стороны, и Центральноазиатскими странами — с другой. Для этих государств развитие восточных регионов, укрепление связей с АТР — важная экономическая потребность. Без нового уровня военно-политических отношений в ОДКБ и СНГ Россия окажется «зажатой» между Европой и Азией, странами ЕС и КНР.

Четвертая цель — новое качество в развитии военно-политических отношений и ВТС с Евросоюзом и КНР, флангами Евразии, которые могут стать факторами сдерживания в Евразии.

Если в свое время М. В. Ломоносов справедливо предполагал, что могущество России будет прирастать Сибирью, то сегодня мы можем утверждать: место и вес нашей страны в современных и будущих международных отношениях, будущая ВПО будут определяться в первую очередь **степенью и качеством развития Сибири и Дальнего Востока**. Важно понять, что огромные природные богатства восточных регионов и Арктики не могут не вызывать стремления у Запада и Востока превратить их в «общий, международный» ресурс, от обладания которым будет зависеть развитие двух основных центров силы.

Будущая ВПО в мире и в Евразии будет во многом предопределяться способностью России контролировать эти территории и акватории.

Определение этого евразийского военно-политического приоритета в конкретный исторический отрезок времени на перспективу 20–30 лет имеет огромное значение, в т.ч. и потому, что предполагает его приоритет по сравнению с другими, глобальными задачами. Россия в среднесрочной и долгосрочной перспективе должна избежать не только участия в военных конфликтах, но и глобальных претензий, которые могут служить поводом для консолидации противостоящих ей сил. Так, глобальный подход к приоритету безопасности советского руководства стал причиной для возможного использования Советским Союзом ядерного оружия в ходе Суэцкого кризиса 1956 года и Карибского кризиса 1962 года, а также других, менее известных, случаях (кризиса 1971 г. между Индией и Пакистаном и т.д.).

Представляется, что будущая военная доктрина России должна исходить из отказа от глобального подхода к использованию военной силы, ограничив пространственно его сферами воздушно-космической обороны, а географически — территорией Евразии (включая Арктику и Ю.-В. части АТР), но, прежде всего, «российского ядра» Евразии и тех потенциальных союзников, которые вошли в военно-политическую коалицию с Россией.

В этом смысле особое значение для России приобретает формирование системы евразийской безопасности, либо военно-политической коалиции, заинтересованной (в случае невозможности создания такой системы) обеспечить евразийскую безопасность силами отдельных государств.

Следует признать, что полагаться на создание эффективной системы евразийской безопасности малореально, хотя это и должно быть безусловным политическим приоритетом. Современное состояние евразийской системы безопасности характеризуется:

- отсутствием системы евразийской безопасности как таковой, более того, стремлением ряда стран создать военно-политическую коалицию, обеспечивающую безопасность только «избранных» стран (НАТО), либо двусторонними союзами, либо опорой на собственные силы. Яркий пример такого подхода — формирование Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств (ТАП и ТПП), в которых изначально не предусматривается участие России, более того, просматривается политика ее изоляции, «отрыва» от нее потенциальных союзников (например, Украины).

При этом российской элите надо отчетливо осознавать и не питать иллюзий относительно того, что «старая Европа» не будет жертвовать ни своими экономическими интересами, ни безопасностью не только ради других евразийских стран, но и даже своей «периферии» — новых

- членов Евросоюза. Что отчетливо видно на примере попытки Украины стать ассоциированным членом Евросоюза, в которой была отчетливо видна **политическая цель** Евросоюза — не допустить интеграции Украины и России, не дав ничего взамен. Как очень точно заметил, поэтому поводу бывший президент Польши Л. Валенса, «Мы сделали революцию, и до сих пор несем расходы. Мы разорвали отношения (с СССР) ... — и потеряли 70% экономики»²⁸;
- нарастанием новых угроз безопасности и обострением существующих угроз в Евразии. Очевидно, что изменение экономических сил в пользу Евразии и АТР приведет к изменению соотношения сил политических, а затем и военных. Военные расходы в Ю.-В. Азии и АТР уже растут значительно более высокими темпами, чем в большинстве стран мира, а тем более
- стран Европы. Неизбежно уже в среднесрочной перспективе, что эти тенденции приведут и к росту военно-политических амбиций. И не только у США, КНР и Японии, Индии и Пакистана, но и у других стран Евразии и АТР. Это хорошо видно на примере действий целого ряда стран Евразии — от Японии, Китая до Филиппин и Индии;
- появлением **реальной политической альтернативы** этим тенденциям в виде идеи евразийской интеграции, которая пока что еще только просматривается в интеграционных объединениях типа ТС, ОДКБ и ШОС²⁹, но имеет практическую перспективу только как создание в будущем системы евразийской безопасности, альтернативной ныне существующим тенденциям, в основе которой будет находиться военно-политический союз с центром в виде «российского ядра».

Базовый сценарий развития военной доктрины США

Военная доктрина — декларация о политике государства в области военной безопасности устанавливающая направления военного строительства, подготовки государства и ВС к войне, способы и формы ее ведения.

При общем понимании того, что создание эффективной системы международной и евразийской безопасности может оказаться невозможным, приходится исходить из необходимости подготовки к нейтрализации угроз, вытекающих из долгосрочных тенденций, определяющих военную доктрину США, а именно — военного строительства, подготовки вооруженных сил к войне, способами и формам ее ведения.

В этой связи обращает на себя внимание долгосрочный прогноз, сделанный в декабре 2012 года Национальным советом по разведке США, в котором анализируется современное соотношение сил и роли страны в мире, а также делается попытка прогноза на долгосрочную перспективу. Причем ключевым элементом будущей системы международной безопасности рассматривается экономическая, технологическая и военная мощь США, способность оставаться идеологическим лидером и эффективно использовать «мягкую силу». Из этого стратегического прогноза, в частности, следует, что, хотя США

и останутся крупнейшим экономическим гигантом, их доля в мировом ВВП будет существенно снижена за счет усиления КНР и Индии, причем Китай в среднесрочной перспективе обгонит Америку, а в долгосрочной перспективе станет безусловным мировым экономическим лидером.

В этих условиях России предстоит в краткосрочной и среднесрочной перспективе прежде всего сконцентрироваться на опережающем развитии промышленности, которая сможет обеспечить не только реальный рост ВВП, но и необходимые потребности ОПК³¹.

Именно развитие человеческого потенциала должно стать ключевым фактором реализации новых инвестиционных проектов для обеспечения перехода от экспортно-сырьевой к инновационной социально-ориентированной модели развития российской экономики в целом.

Переориентация промышленной политики на цели развития национального человеческого капитала позволит привести ее в соответствие с ос-

Мощь США: основа международной системы³⁰

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
Economic	The US share of world GDP was largely steady until 2005. It is currently around 24 percent (market rate) of world GDP, which makes the US still the single country with the largest share.	But the US share of world GDP will continue to drop, and the US will be the world's second-largest economic power in PPP terms.	China and India are gaining ground at an unprecedented rate (the US rise in the 19 th century was slower as measured by gains in world GDP).

Уменьшение военной мощи США³²

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
Military	The US ability to maintain near-current levels of defense spending is open to serious question. The trend for national defense spending as a share of the US economy has been downward for several decades	Spending for major entitlement programs makes it difficult to reverse the trend of decreasing military spending	The G-7 overall will account for a decreasing share of total global military spending. Although the US will remain the leading military power in 2030, the gap with others will diminish and Washington's ability to depend on its historic alliance partnerships will diminish even further

Сохранение политико-идеологического лидерства³³

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
Political	The US remains preeminent, though the unipolar moment has passed	There is no competing alternative to the Western liberal order, though many rising states want less US "hegemonic" behavior	The potential for an overstretched US facing increased demands is greater than the risk of the US being replaced as the world's preeminent political leader

Технологическое превосходство³⁴

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
S & T	The US remains the world's leader, but Washington has growing worries about declining educational and skill levels	China's large, sustained investments could make it close to a peer competitor by 2030	Technology is increasingly a networked and international enterprise. Leadership in key fields will increasingly entail working with international partners

Превосходство в «мягкой силе»³⁵

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
Soft Powers	US preponderance across hard and soft powers makes it unique among great powers	The gap with others almost certainly will narrow, but China is unlikely to rival the US in soft power in 2030	US ability to integrate outsiders will remain a key strength for attracting the world's best talent and ensuring S&T and economic leadership

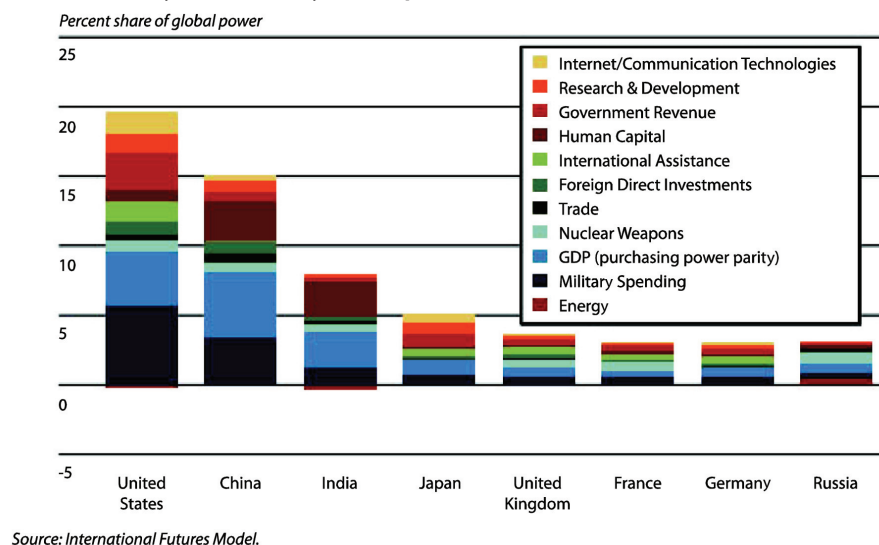
новными тенденциями промышленного развития в развитых государствах. Заключаются они в переходе от централизованного государственного регулирования к региональному и локальному уровню координирования вопросов, связанных с промышленной политикой. Развитие человеческого капитала также, как правило, носит преимущественно локальный и региональный характер. Таким образом, формирование и реализация промышленной политики, а также развитие национального человеческого капитала должны осуществляться на одном уровне.

По мере сокращения экономического могущества США будет уменьшаться и их военная мощь в мире, что, в свою очередь, приведет к трансформации существующих союзов, справедливо полагают американские эксперты, а также уменьшению влияния США. Этот прогноз уже подтвердился в 2013 году: если до 2012 года за одно десятилетие военные расходы США выросли на 100% и достигли 700 млрд долл., то в 2013 году США были вынуждены пойти на их некоторое сокращение.

Как видно, американские эксперты вполне реалистично оценивают перспективы сохранения военного превосходства США до 2030 года. Вместе с тем есть основания полагать, что позиции США могут

ослабеть значительно быстрее относительно других быстро развивающихся в экономическом и военно-техническом отношении государств. Прежде всего Китая, Индии, Бразилии, а, при определенных условиях, и России. Особенно, если допустить, что к 2030 году вокруг «российского ядра» произойдет объединение нынешних стран-членов ТС, Украины, а также других стран Евразии. Определенная недооценка технологических потенциалов этих государств, безусловно, лежит в основе существующей стратегии «технологического превосходства» США, которая является основой американской военной и внешней политики.

Из анализа американских экспертов также видно «беспокойство» пересмотром союзнических отношений. Это безусловный сигнал о том, что по мере сокращения технологического превосходства США союзники смогут пересмотреть свои обязательства, либо «качнуться» в сторону других военно-политических союзов или систем. Таким союзом может быть военно-политическая коалиция вокруг России, а «системой» — будущая система евразийской безопасности. И первый, и второй варианты вполне реализуемы. Их альтернативой может быть только усиление соперничества в Евразии, чреватое переходом в военный конфликт.

Элементы могущества ведущих стран в 2030 г.³⁶

С политической (и идеологической) точек зрения американские эксперты признают, что время однополярного мира уходит, однако по-прежнему считают, что эффективной альтернативы либеральной модели и системе ценностей не существует. Это убеждение американской элиты может привести к революционным просчетам и ошибкам по мере того, как китайская, исламская, русская цивилизационные системы будут оказываться все более конкурентоспособными. Уже сегодня китайская идеология и модель развития составляют конкуренцию США. К сожалению, в России не осознают еще полностью огромную важность политико-идеологического ресурса при оценке соотношения сил и обеспечения безопасности страны. В советский период «моральный фактор» оценивался очень высоко, нередко выше материальных.

Очевидно, что российской элите, исходя в том числе из интересов безопасности, необходимо разработать привлекательную идеологическую модель, которая стала бы альтернативой как либерально-западнической, так и другим моделям, претендующим на лидерство в мире и Евразии.

Соглашаясь на изменение соотношения сил не в свою пользу в политике и экономике, эксперты ни в коей мере не ставят под сомнение технологическое лидерство США, которое пока что является объективной реальностью. Действительно, такое лидерство существует, но именно здесь и кроется главная опасность для США. «Переход к новому технологическому укладу предполагает «скачок», причем качественный. Огромной неожиданностью для США, полагающих на неоспоримое лидерство в области технологий, науки и образования, может стать (и, наверняка, станет) научно-технологический рывок, к которому готовятся Китай, Индия и Россия. Думается, что здесь их ожидает немало сюрпризов уже в ближайшие годы: Китай только за последние 15 лет подготовил более 300 млн специалистов с выс-

шим образованием, в т.ч. десятки миллионов в развитых странах. Индия создала фактически крупнейший в мире класс, а Россия — сохраняет пока еще сильные позиции в науке, культуре и духовности.

Вряд ли оправдан оптимизм США в отношении их преимущества (даже превосходства) в «мягкой силе» и способности интегрировать мировые таланты, хотя этот приоритет, безусловно, не только является одним из главных для Вашингтона, но является своего рода «подсказкой» для российской элиты в том, что может быть основой могущества России в мире и Евразии, если она предложит миру привлекательную модель общества и государства, основанную на приоритетах в развитии человеческого потенциала.

Главный вывод, который неизбежно следует из оценок американского разведывательного сообщества, заключается в том, что будущую систему безопасности в мире США по-прежнему видят дееспособной в том случае, если она будет опираться на американскую мощь — экономическую, военную, технологическую, гуманитарную. Более того, эта мощь может быть эффективной только в случае безусловного лидерства США, даже если и придется смириться с потерей абсолютного превосходства. Таким образом, американская стратегия в области международной безопасности предполагает не создание некоей системы безопасности в мире и в Евразии, а сохранение своего превосходства, прежде всего **в качестве технологий, НЧК и его институтов**, которые могут компенсировать относительное падение ВВП США. Более того, «идеологическое» лидерство США предполагает, что ими будет продолжаться политика навязывания своей системы ценностей остальным государствам. Вместе взятое — это означает, что, во-первых, США не заинтересованы в создании равноправной для всех стран системы безопасности, в т.ч. в Евразии и в АТР, а, во-вторых, будут препятствовать усилиям тех

государств, которые будут пытаться этого добиться. В том числе и при помощи евразийской интеграции.

Как видно также из оценки американских экспертов, выделяются пять ключевых факторов государственного могущества. При этом особое значение придается:

- падению относительного экономического могущества США;
- сохранению лидирующих военных возможностей до 2030 года;
- политическому лидерству США, выраженному, в том числе в развитии и продвижении системы ценностей;
- сохранению технологического лидерства;
- способности США «интегрировать наиболее талантливых личностей в науку и технологиях».

Очевидно, что ни один из этих пяти факторов не ориентирован на формирование системы международной безопасности, а, напротив, прямо противодействует созданию такой системы. Это же означает, что в долгосрочной перспективе США не просто не будет участвовать в создании системы безопасности в Евразии и АТР, но будет всячески противодействовать этой идее, в том числе и в форме идеи интеграции.

Примечательно и то, как эксперты Совета определяют критерии, которые будут определять могущество государств к 2030 году. К традиционному «набору» элементов государственной мощи — объему ВВП, военных расходов, масштабу торговли и энергетических запасов и др. — добавляются три ключевые фактора: лидерство в интернет-технологиях и связи, исследованиях и разработках, а также качестве человеческого капитала.

Думается это не случайно. Эти три новых фактора в последние 20 лет уже стали играть ключевую роль в экономике и военной мощи современного государства. И они же станут в среднесрочной перспективе наиболее приоритетными направлениями в экономике и военной политике США. От лидерства в этих ключевых технологиях, а также опережающем развитии науки и НИОКР, и человеческого капитала будет прежде всего зависеть военная мощь государства и качество национальной безопасности. Именно эти три фактора в решающей степени влияют и на современное качество ВВТ, военное искусство и эффективность вооруженной борьбы, которые в свою очередь влияют на эффективность использования военной силы во внешней политике. Круг замыкается: стратегия обеспечения собственной, национальной безопасности США опирается как на потенциал научно-технологического лидерства и качества НЧК, так и на поиск новых форм и средств борьбы, включая силовых, среди которых ведущую роль сегодня занимают ВТО и ВКО.

Примечательно, что указанные выше три фактора дают вместе усиливающийся, синергетический эффект: лидерство в ИТ и технологиях связи

во многом предопределяет лидерство в НИОКР, и, наоборот, — опережающие исследования и разработки, безусловно, влияют на темпы развития ИТ и технологий связи.

Важно и то, что эти факторы во все решающей степени влияют на уровень и качество человеческого потенциала, хотя формально ПРООН и не считает их в этом ряду. В своих работах я вывел другой термин — национальный человеческий капитал (НЧК), где именно эти факторы играют ключевую роль³⁷.

Существует очевидная и прямая зависимость между темпами роста ВВП и темпами увеличения национального человеческого капитала (НЧК), которая в несколько упрощённом виде может быть сведена к следующим двум тенденциям:

- во-первых, в развитых странах основной прирост ВВП (до 85%) обеспечивается за счёт увеличения НЧК. Прежде всего потому, что доля НЧК в национальном богатстве той или иной страны составляет не менее 75%. Остальные 25% приходятся на материальные активы и природные ресурсы. Соответственно, если вы хотите увеличить ВВП, то увеличивать надо самую большую часть, а потом уже — остальные — заводы, технологии, добычу ресурсов;
- во-вторых, как доказали недавно английские и немецкие учёные, увеличение на один пункт в усреднённом уровне IQ населения страны означает увеличение душевого ВВП на 229 долларов, а каждый дополнительный пункт в оценке IQ 5% (при всей условности и спорности этих тестов) увеличивает душевой ВВП уже на 468 долларов³⁸.

Из этого можно сделать достаточно простые и однозначные выводы:

Первое. Увеличение темпов ВВП России возможно и реально при росте НЧК и его основных показателей — прежде всего уровня образования, культуры и науки. Достаточно сказать, что средний IQ кандидатов наук — 125, специалистов с высшим образованием — 114, неполным высшим — 105–110, а офисных работников и квалифицированных рабочих — 100. Таким образом, чем больше специалистов с высшим образованием, а тем более «остепенённых», есть у нас в стране, тем выше душевой доход и темпы роста ВВП. Собственно это

подтверждает и тот факт, что именно уровень образования позволяет России находиться на 55 месте по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) в мире, несмотря на такие низкие ключевые показатели, как продолжительность жизни и душевой ВВП.

Важно отметить и тот факт, что не случайно именно образование стало приоритетом № 1 в США в 80-е годы XX века, а сегодня в Японии планируют добиться всеобщего высшего образования к 2050 году. На этом фоне странно выглядит российская политика в области высшего образования и заявления (например, М.Прохорова) о том, что нам «не нужно столько выпускников вузов».

Второе. Именно 5% населения, которые относятся к креативному классу, — учёные, преподаватели, деятели культуры, «интеллектуалы» всех мастей являются основной силой развития современной экономики. Именно этот творческий («креативный») класс должен находиться в центре внимания общества и элиты страны. В России же сегодня наблюдаются две крайности, ни одна из которых не отражает реалий. Первая — «причисление» к этому классу только творческих работников в области культуры, либо игнорирование этого класса вообще как такового.

Третье. Принципиальное значение в этой связи приобретает формирование такой национальной стратегии, которая ставила бы в качестве самой приоритетной цели опережающие темпы развития НЧК страны в целом и её творческого класса, в частности. Именно эта цель (а не пресловутые инновации и технологии) является ключом к пониманию перспектив развития не только современного общества, но и экономики. Иначе говоря, любые усилия государства и общества по увеличению НЧК страны и её «креативного» класса по определению будут успешны. Деньги будут вложены эффективно. И главный объект инвестиций — человек. И, наоборот, — все попытки игнорировать эти закономерности, в т.ч. и путём «технологических» и иных (общественных, идеологических) заимствований, приведут лишь к стагнации. Что мы и наблюдаем сегодня³⁹.

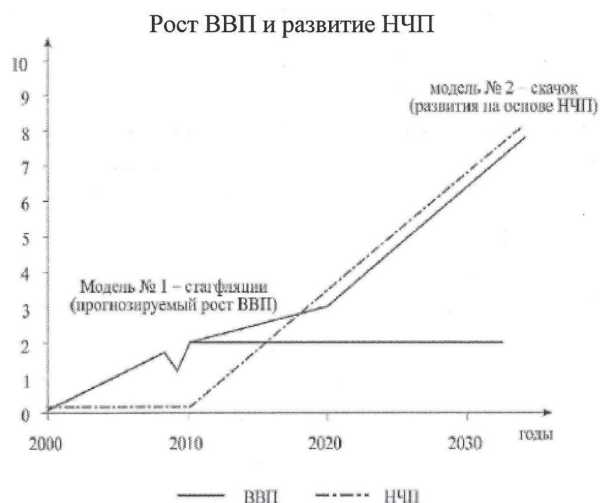
Новая стратегия промышленной политики должна исходить из решения следующих задач.

1. Главной стратегической целью развития нации и государства является развитие национального человеческого потенциала (НЧП). Именно от нее, прежде всего, и зависит повышение производительности, а, следовательно, и конкурентоспособности промышленного производства.
2. Необходимо уйти от концентрации промышленного производства в отдельных секторах. Стратегия, основанная на поддержке национальных чемпионов, должна смениться поддержкой молодых эффективных производств, особенно в периоды экономического спада.
3. Повышение производительности труда в промышленности необходимо осуществлять не

только за счет инвестирования в основной капитал, но, главным образом, за счет развития человеческого потенциала.

Это означает развитие прежде всего национального образования, национальной культуры, национального здравоохранения, национальной науки и научных школ.

4. Инвестирование в НЧП позволит осуществить скачок в темпах прироста ВВП до 15–20% в год (рис. 3).

Среднемировой рост ВВП ~ 2,5%. Опережающий рост ВВП = 7%

Рис. 3.

Это именно развитие, а не экстенсивный рост, при котором главной целью является развитие национального человеческого капитала (НЧК), прежде всего следующих его характеристик:

- численности населения;
- качества населения;
- продолжительности обучения;
- увеличения объема наукоемкой продукции;
- увеличения результатов научной деятельности;
- роста числа и значения институтов социального потенциала;
- улучшения духовно-нравственной атмосферы общества;
- увеличения объема душевого ВВП;
- увеличения численности активного населения;
- сокращения коррупции и неэффективных расходов.

При этом особое значение имеет развитие институтов социального потенциала, которые выполняют две важнейшие функции: во-первых, аккумулируют, организуют и используют человеческий капитал, т.е. выполняют функцию управления НЧК, а, во-вторых, внедряют и управляют двумя другими частями национального богатства страны — материальными активами и природными ресурсами. Институты социального потенциала, таким образом, выступают организующей формой всех частей национального богатства.

Наконец, именно эти три фактора концентрируются в последние 30 лет в наибольшей степени в отраслях ВКО. Поэтому (и Р. Рейган, выдвигая в 1983 году программу СОИ, хорошо это понимал) любые усилия по развитию комплекса систем ВКО имеют не только военное, но и общенациональное значение, более того, общеполитические и общеэкономические радикальные последствия. По сути дела программа СОИ и то, что последовало за ней дает возможность США развивать новые направления фундаментальной науки и НИОКР, концентрировать на них лучший человеческий капитал и его общенациональные институты. Так, программы создания гиперзвукового оружия в США преследуют прежде всего цель разработать «прорывные» технологии. Именно поэтому определенные неудачи в области гиперзвуковых технологий не рассматриваются в США как катастрофические. «Как подчеркивают эксперты, в рамках нынешнего военного бюджета США и при наличии весьма жестких требований к выполнению заявленных НИОКР необходима прорывная концепция для привлечения заказчиков. Высокоскоростное гиперзвуковое оружие глобального радиуса действия как раз и является такой идеей. Здесь речь идет действительно о революционных достижениях науки, а не о различных технологических инновациях. Отказы в испытаниях являются неотъемлемой частью реализации концепций дан-

ного типа, поскольку база знаний, необходимых для достижения успеха, все еще находится в стадии формирования»⁴⁰.

И наоборот. Свертывание программ ВКО неизбежно ведет к замедлению в развитии этих факторов не только в военной, но и гражданской областях. Под каким бы предлогом это не происходило — отказа от «симметричного» ответа, как в 1980-е годы в СССР; «экономии средств», как у нынешних либералов; «перераспределения бюджета» в пользу социальных потребностей, как у современных финансистов — монетаристов. Суть одна — отказ концепции обеспечения национальной безопасности за счет опережающих темпов развития НЧК и наиболее передовых технологий, концентрирующихся в ВКО (то, на что упор делается в США). Соответственно и у концепции евразийской безопасности и интеграции остается только политико-дипломатический аспект (что мы фактически и наблюдаем в российской политике), лишая ее материального и интеллектуального содержания.

Таким образом, мы констатируем наличие двух принципиально различных моделей обеспечения международной безопасности (при определенном количестве промежуточных вариантов), каждая из которых представляет собой прямую противоположность и четко определяет свое отношение к евразийской интеграции.

Сценарий завершения формирования западной военно-политической коалиции в Евразии

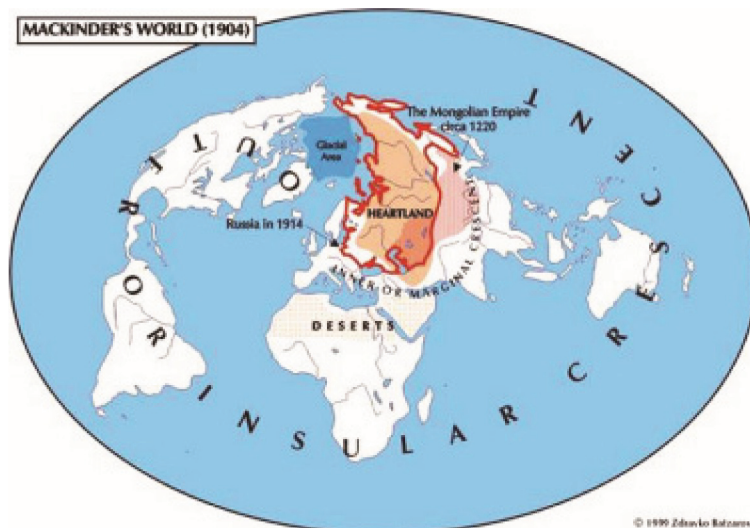
... любая форма человеческого общежития подразумевает идеологию как консолидирующую идейно-ценностную основу своего существования⁴¹.

О. Барабанов, А. Клименко,
профессора МГИМО(У)

Если признать тот очевидный факт, что после окончания «холодной войны» России **не удалось интегрироваться** с Евросоюзом, более того, их идеологические векторы (как консолидирующая идейно-ценностная основа, по оценке профессоров МГИМО(У), все более и более расходятся и **не смогут сблизиться**, если Россия не согласится «ассимилироваться» в чужую ценностную систему, если признать, что главными противоречиями в мире стали противоречия между ценностными системами, то неизбежно приходится сделать вывод о том, что конфликта между этими системами **не избежать**, а значит, к нему надо готовиться. Причем, этот конфликт также неизбежно приобретет силовой характер возможной эскалации гуманитарных средств давления до прямого вмешательства во внутренние дела (как показал опыт Украины, а до этого Сирии, Ливии, Ирака и т. д.), в том числе с использованием военной силы.

При этом **ключевым объектом** воздействия станет Евразия, а главной целью — полный контроль над континентом.

Способность к контролю над Евразией будет означать фактически способность контролировать основные процессы в мире — от финансово-экономических и технологических до политических. Этот вывод не новый, но он подтверждает долгосрочные цели военной политики США и НАТО. На это, в частности, еще в 1990-е годы указал З. Бжезинский в своей известной работе «Великая шахматная доска». Он привлек внимание к военно-политическому феномену Евразии, который еще в 1904 году заметил английский географ сэр Хэлфорд Джон Маккиндер, — основатель геополитики. Его работа называлась «Географическая ось истории» и в ней автор выделил зону «heartland» — как «сердцевинную землю». С точки зрения основной военно-политической особенности растущего противостояния в Евразии —

цивилизационного противоборства — прошедшие 100 лет лишь подтверждают долгосрочность этой тенденции, которая может казаться слишком банальной, устаревшей, однако она в действительности остается главным трендом в политике Запада.

Так, при рассмотрении карты трудно не отметить, что эта зона практически совпадала с границами тогдашней Российской империи, что, собственно, объясняет, какое государство находилось в фокусе западной политики того времени и было причиной для беспокойства западной элиты. Мировая война 1914–1918 годов во многом объясняется именно этим значением Евразии и ролью России, которая, оказавшись втянутой в эту войну, пострадала от ее последствий больше, чем любая участница конфликта. Труд Маккинтера также указывал на следующее: та сила, которая контролирует Мировой остров (Евразия с Африкой), оказывает решающее влияние на судьбы всего мира». Это же справедливо подчеркивают сегодня многие политики — от З. Бжезинского — и эксперты, например, В. Юртаев⁴².

Удивительно, но такие геополитические рассуждения сохранили свою актуальность во втором десятилетии XXI века. Это связано прежде всего с изменением соотношения сил в мире и, как следствие, изменениями во внешней политике США. Прежде всего речь идет о Центральной Азии, но без внимания не остается ни Арктика, ни российский Дальний Восток, ни Юго-Восточная Азия. Яркий пример — изменившаяся роль Центральной Азии. «Постсоветская Центральная Азия во внешней политике Вашингтона прошла путь от „заднего двора“ России до одного из главных объектов американских интересов в мире. Прогнозируемое усложнение афганских проблем повлечет за собой и рост интереса США, России и Китая к региону. В этой связи возможны усиления противоречий этих держав в регионе»⁴³, — отмечает эксперт МГИМО(У) А. Казанцев.

Особое стратегическое значение в этой связи придается двум странам — России и Казахстану. К со-

жалению, этот факт пока еще до конца не осознается. Казахстан, безусловно, рассматривается в качестве ключевого звена в ЦА, а Россия в качестве единственного возможного оппонента усилению влияния КНР, Запада и США в ЦА. Не случайно поэтому появление на картах официальных госструктур США, подобных приводимой ниже, как не случайно и стремительное проникновение Китая в страны ЦА, граничащие с Казахстаном.

Очевидно, что единственным средством противодействия попыткам контроля над центральными регионами Евразии является евразийская интеграция. Причем не только торговая и экономическая, но и политическая, и военная. Для Казахстана, который стремится войти к 2020 году в двадцатку ведущих экономик мира, политическое давление США, Евросоюза и Китая неизбежно приведет либо к **подчинению чужим правилам игры в экономике, торговле и финансах**, либо угрозам военно-политического и гуманитарного давления.

Из этой же карты видно (рис. 4), что Казахстан играет сегодня ключевую роль и для России: контроль над ним означает уже не только сохранение влияния и контроля над странами ЦА, но уже и способность предотвратить фактический раскол нашей страны на западную европейскую часть и регионы к востоку от Уральского хребта. Это — самый «логичный» и быстрый путь раздела нашей страны и ее ресурсов.

Таким образом, в основе стратегии формирования западной военно-политической коалиции в Евразии и усилий США по созданию пояса зависимых государств от юга до востока Евразии лежат три взаимосвязанные глобальные политические цели:

- создать вокруг России пояс подчиненных и находящихся под влиянием западного военно-политического союза государств — от Евросоюза и Трансатлантического партнерства до подконтрольных государств Ближнего, Среднего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии;

Рис. 4.

- добиться трансформации цивилизационно-ценностной системы России, что позволит избежать интеграции вокруг «российского ядра» и дестабилизирует социально-политическую ситуацию в стране, усилив западно-либеральную часть истеблишмента, ориентированную на Запад;
- привести к территориальному разделу России и ее ресурсов между ведущими странами мира, включая возможность достижения компромисса с Китаем за счет интересов России.

При этом важно подчеркнуть, что военно-политические гарантии России ее союзникам требуют, как минимум, уточнения. Прежде всего гарантии совместной защиты от воздушно-космического нападения с помощью ВТО и применения ядерного оружия. Так, очевидно, что для эффективного применения сил и средств ВКО требуется единая (а не объединенная) система ВКО России и ее союзников. Сегодня пока что существует объединенная система ПВО России и Белоруссии, а вопрос о Казахстане и других странах — членах ОДКБ остается нерешенным. Заявления политического руководства России (например, Д. О. Рогозина от 11 декабря 2013 года)⁴⁴, о готовности применить ядерное оружие, в том числе в ответ на использование неядерных систем ВТО требуют уточнения. Например, будет ли Россия защищать воздушно-космическое пространство Казахстана и Армении так же, как российские объекты и какими силами и средствами?

Очевидно, что конкретизация военной доктрины России потребует прежде всего уточнения российских обязательств в отношении стран ОДКБ, а в дальнейшем неизбежное формирование общей военной доктрины, которая может стать в перспективе военной доктриной стран Евразии, объединенных в некую военно-политическую организацию.

Нет никаких оснований считать, что впереди нас ожидает ослабление напряженности в Евразии или

отказ США от противодействия интеграционным процессам на континенте, как утверждают не только западные, но и некоторые российские эксперты, полагающие, что «впереди нас ждут 20 лет отсутствия внешней угрозы и спокойствия». Совсем наоборот: будущее стран Евразии крайне неопределенно, что связано в том числе и с неопределенностью во внешней политике Центральноазиатских государств, стабильности их общества и устойчивости экономического развития. «Разновекторность», практикуемая этими государствами, в действительности ведет объективно к усилению позиций США и Китая. Более того, страны Евросоюза в XXI веке активизировались также на этом направлении, что позволяет уже сегодня говорить о коалиционной военно-политической стратегии НАТО в Евразии, а КНР в 2010–2013 годы начал массированные инвестиции и экономическое проникновение в страны ЦА.

Проблема взаимоотношений России и постсоветских государств со странами Евросоюза, как показали события осени 2013 года, является одной из наиболее острых, хотя как в России, так и в Евросоюзе эта острота, как правило, всячески сознательно нивелируется. Это не должно вводить в заблуждение: сегодня за Евросоюзом, который активно выступает за внешнюю изоляцию России, стоят США, обеспечив Евросоюзу военно-политическое прикрытие и косвенную политико-силовую поддержку. Лозунг «Единая Европа от Лиссабона до Владивостока» остается политической декларацией, которую фактически игнорируют в Европе. В практической политике, как отчетливо показали события на Украине осени 2013 года, ясно просматривается политическая (и впоследствии неизбежно военно-политическая) тенденция создать на востоке Евросоюза «кордон безопасности» из ассоциированных (зависимых) государств, которые вышли бы из-под

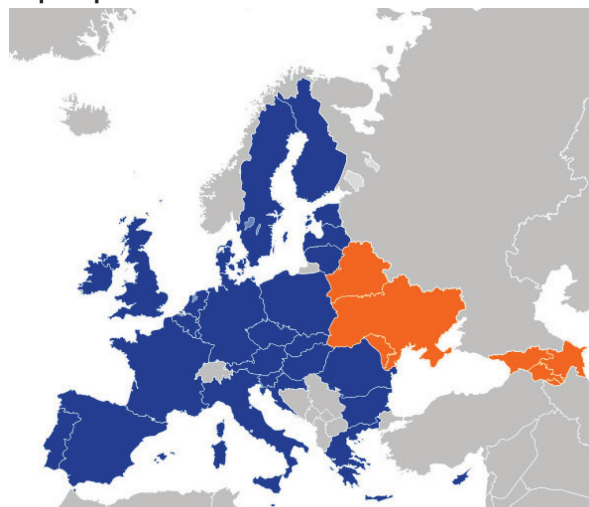
влияния России. Этому соответствует созданное в 2004 году «Восточное партнерство» как отражение идеи создания «пояса дружественных стран» на востоке, которая была поручена реализовывать Польше и Швеции. Эта идея была нацелена на решение двух задач. Во-первых, притормозить на неопределенное время расширение ЕС, не допустив туда новых членов. Во-вторых, расширить влияние ЕС, используя заинтересованность некоторых стран к вступлению, без оказания значительной финансовой помощи. Реализация этой идеи предполагает много политических обязательств и мало стимулов для вступающих государств⁴⁵. Таким образом, границы Евросоюза совпадают с границами европейских стран — членов НАТО, либо государств, которые усиливают с блоком военно-политическую интеграцию в Европе.

И, наоборот, выстраивая отношения в рамках «Восточного партнерства», страны Евросоюза игнорируют интересы России, противопоставляя им развитие различных форм сотрудничества, конечной целью которых является не интеграция с ЕС, а «отрыв» их от России, препятствие процессу евразийской интеграции. Этот политический аспект военной доктрины НАТО следует иметь в виду, ибо он, безусловно, усиливает потенциал военно-политической коалиции Запада: формально, политико-декларативно, «Восточное партнерство» является проектом ЕС, направленным на развитие сотрудничества между ЕС и странами постсоветского пространства. Данный формат рассматривается как часть Европейской политики соседства (ЕПС), предусматривающей укрепление отношений между ЕС и странами-соседями в политической, экономической, энергетической, гуманитарной сферах, в области безопасности и защиты окружающей среды. Цели «Восточного партнерства» реализуются в рамках двустороннего формата, путем углубления двусторонних связей между ЕС с каждым из государств-участников вышеуказанного проекта. Это достигается путем заключения двусторонних договоров, таких, как соглашения об ассоциации, углубленные и всеобъемлющие соглашения о зонах свободной торговли, двусторонний диалог по либерализации визового режима, развитие тесного двустороннего сотрудничества. Важно отметить, что «Восточное партнерство» дополняет уже существующие двусторонние договорные отношения и опирается на принципы дифференциации отношений ЕС со странами-партнерами.

Примером тактики «отрыва» от России стал саммит «Восточного партнерства» в Вильнюсе (28–29 ноября 2013 г.), в работе которого приняли участие лидеры государств-участников ЕС, высокопоставленные чиновники ЕС, главы и министры стран восточного партнерства. По итогам работы саммита была принята Декларация — «Восточное партнерство: дорога вперед». Интересным элементом

данного документа стали некоторые терминологические и фактологические уточнения в сравнении с изначальным вариантом, направленные на снижение уровня амбициозности планов и задач ЕС в отношении государств-партнеров ЕС. В Декларации констатируется значительный прогресс ЕС в реализации различных проектов в сфере ЕПС. Страны-участницы программы «Восточное партнерство» выразили готовность развивать тесные связи и продолжать сотрудничество в стратегических областях: укрепления демократии, обеспечения гражданских и личных прав и свобод, либерализации визового режима, модернизации энергетических сетей. Участники саммита приветствовали **увеличение роли ЕС в укреплении региональной и мировой безопасности**, содействии стабильности и разрешении конфликтов, укреплении норм международного права⁴⁶. Иными словами, на саммите ЕС военно-политическая проблематика стала частью дискуссии, что свидетельствует в пользу того, что Евросоюз, как минимум, проводит согласованную с НАТО коалиционную стратегию по отношению к России. По сути дела, это означает, что политическая составляющая военной доктрины НАТО дополняется новым влиятельным европейским фактором.

Страны Евросоюза и члены «Восточного партнерства»⁴⁷

Основной целью политики ЕС на саммите осенью 2013 г. было подписание Соглашения об ассоциации между ЕС и странами постсоветского пространства: Украиной, Молдавией, Грузией, Арменией. Данное международное соглашение было парафировано Молдавией и Грузией, но не подписано Украиной и Арменией. При этом ЕС и Армения подписали Совместное заявление, в котором декларируется необходимость развития всеобъемлющего сотрудничества и укрепление партнерства в различных сферах. Причем на неравноправной основе. Как отмечают эксперты, «когда в Брюсселе убеждают украинцев, что с подписанием соглашения об Ассоциации они будут жить, как в Европе, это

выглядит наивным обещанием, поверить в которое могут только далекие от реальной политики люди. Лозунги, рассчитанные на обывателя, разбиваются о факты. А они красноречиво говорят о том, что Евросоюз относится к Украине, как к стране „третьего мира“. Известно, что Киев давно ввел безвизовый режим для граждан ЕС. Обычно такие шаги делают на основе взаимности или, как минимум, обещания такой взаимности. Но украинцам ничего не обещали. В Евросоюзе, напротив, все чаще высказываются за введение ограничений для въезда граждан — младевропейцев в Старую Европу, создание для них сложностей при устройстве на работу. В Вильнюсе премьер Испании извинялся за закрытие общественного телевидения в одной из провинций — властям пришлось пожертвовать свободой слова из-за отсутствия денег. Но кто поверит, что двери, закрытые для жителей уже принятых в ЕС государств, распахнутся перед украинцами? Отку-

да же у Единой Европы в разгар кризиса появятся деньги, которых всем европейским правительствам самим не хватает?»⁴⁸

В Вашингтоне и Брюсселе сознают опасность, которую несут для них объединительные процессы на постсоветском пространстве, вокруг сильной России. И пытаются оторвать части, некогда цельного организма, чтобы помешать выгодной им всем интеграции. Об этом же свидетельствовало и оказанное на правительство В. Януковича политическое и дипломатическое давление. Более того, резко активизировались США, стоявшие до этого за спиной Евросоюза. Беспрецедентное вмешательство Государственного департамента и Министерства обороны США стали весьма симптоматичны: впервые столь явно публичное давление было оказано внешнеполитическим и военным ведомствами США на политику суверенного постсоветского государства.

Позиция российской элиты как главное препятствие реализации атлантического сценария развития ВПО

«... восточный вектор развития России является ее приоритетом не только на ближайшую, но и на отдаленную перспективу»⁴⁹.

*В. Путин,
Президент России*

«Восточный вектор» — это не только географическое направление внутренней и внешней политики, это и отношение правящей элиты к своей системе ценностей и национальным интересам.

Расширение НАТО и Евросоюза, стали возможными благодаря позиции руководства СССР и ряда социалистических стран (а затем и России), которые сознательно шли на неоправданные уступки Западу со второй половины 80-х годов прошлого века. Ситуация во многом, но не во всем, повторяется и сегодня на постсоветском пространстве.

Огромное значение в такой политике давления имеют усилия Запада по «воспитанию» правящих элит постсоветских государств с помощью информационных и иных гуманитарных средств воздействия. Этот процесс в отношении элит постсоветских государств (а до этого СССР) протекал очень энергично, не встречая, как правило, сопротивления ни со стороны общества, ни со стороны государства. Более того, как ни странно это признавать, он часто эффективно поддерживался правящей и медийной элитами России.

Сегодня наблюдается определенный поворот, обозначенный явно В. Путиным в сентябре на встрече «Валдайского клуба» и в его Послании в декабре 2013 года Федеральному Собранию РФ. Более того, даже часть материалов (в частности, Совет по правам человека и Национальный антикоррупционный

комитет) признали, что «без принятия новой всеобъемлющей идеологии развития страны ... победить коррупцию невозможно»⁵⁰.

Средства информационного, пропагандистского и сетевого воздействия являются не только частью потенциала «мягкой силы», но и инструментом **прямого влияния** на правящую элиту России. В том числе и на процесс подготовки и принятия военно-политических решений, включая разработку Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины РФ.

Причем эффективность этих средств влияния в наибольшей степени определяется не только и столько самими информационными средствами, сколько способностью национальной элиты и общества к их противодействию. Другими словами, противодействие информационным войнам создается не только в средствах собственно блокирования информационного воздействия, сколько в подготовке эффективной, национально ориентированной элиты и общества, развитию в них качеств, нейтрализующих внешнее воздействие.

Главное в понимании этой проблемы — это качество российской элиты, ее способность препятствовать психологическому и информационному воздействию извне⁵¹.

1. Идеология как система взглядов элиты и общества выполняет главную функцию — формиро-

- вание национальной доктрины, частью которой является военная доктрина (как представления, система взглядов на использование военной силы и подготовку ВС и ОПК к военным действиям).
2. К сожалению, забывается, что идеология — это ещё и инструмент управления. Причём эффективное государственное и общественное управление без идеологии в принципе невозможно. Отсюда и низкая исполняемость решений Президента РФ, Правительства, законов и нормативных актов. Миллионы субъектов не могут управляться без идеологии.
 3. Главная проблема в России — наличие производных доктрин, стратегий и концепций (в т.ч. нормативно утвержденных Указами Президента РФ) без принятия национальной доктрины (стратегии) развития. Нет политико-идеологического фундамента, продолжается сознательное игнорирование политической идеологии. «Верхние» этажи концепций отраслевые, региональные, местные — строятся без фундамента.
 4. **Реалии современной военной доктрины**, о которых в России говорят только последние два-три года (в т.ч. Послание Президента 12 декабря 2013 г.), существенно отличаются от того, что было до 2010 года:
 - **пространственно глобальный** масштаб: признается, что нет «только» суши, «только» моря, «только» воздуха. Есть единое **воздушно-космическое пространство**, «разбавленное» информационными системами. Прежде всего системами боевого управления, связи, разведки, наведения, информатики и ВТО т.д.;
 - сложился **интегрированный характер** ВС, ВиВТ — системы информатики объединяют **все виды и роды** войск и вооружений в единый комплекс, у которого пока что нет единой системы управления;
 - нет жёсткой границы между информационными, кибер и военными операциями, а также применением «мягкой силы». Уничтожение, например, системы политического управления означает и уничтожение управления ВС, ВиВТ.
 5. Изменилось представление о главной **цели войны** — главная политическая цель современной войны это изменение системы ценностей, национальных приоритетов и представлений элит о национальных интересах. **Разница:** можно захватить ресурсы, но можно «доказать», что они не нужны, заставить отдать их добровольно. Поэтому классическое восприятие военной доктрины как **доктрины государства** трансформируется в **военную доктрину нации**.
 6. **Трудности в понимании военной доктрины:**
 - государство — нация;
 - единое пространство;
 - глобальный ответ;
 - роль информационных систем;
 - роль невоенных факторов силы.
 7. Организационное оружие: новые виды, так или иначе, связаны с ценностным цивилизационным фактором:
 - а) **концептуальное оружие** — ложные ценности и приоритеты — «**смыслы**». Они могут быть примитивны, но, главное, — **усиленно внедряемые**. Типичный пример — бессодержательные понятия: «Перестройка», «демократия» и т.п. Последний пример — «креативный класс» и его характеристики;
 - б) **подмена реальных ценностей** мнимыми — «свобода», которая равноценна развалу нации и демографической катастрофе; «права человека» — заменяют проблему развития «потенциала человека» и т.п.;
 - в) внедряются новые методы неэффективного государственного управления, которые должны заменить классические — **политические и идеологические**:
 - «**правовые**» (абсолютизация норм права), хотя эти нормы изначально:
 - только частично, в лучшем случае на 50–70% адекватно отражают реалии;
 - отстают на несколько десятков, даже сотен лет,
 - «макроэкономические» абсолютизация макроэкономических методов управления и оценок в ущерб реальным целям развития.
 8. **Создание киберкомандований** в США (и России), признание прикладного военного характера информационного воздействия.
 9. Отсутствие **единой системы управления** (которой нет в России) нацией, государством и обществом.

Как пример:

 - а) **единая система** управления ВС, видами и родами войск;
 - б) **единая ВКО** России и её союзников;
 - в) **единая система управления Федерального центра** регионов и местного управления, которую пытаются заменить системой управления с помощью бюджетных и административных средств.
 10. **Сетецентрическая война** суть политико-идеологическое руководство из множества центров без использования традиционных центров управления.
 11. Крупные провалы в управлении в России вызваны тем, что важнейший инструмент управления — идеология — не используется. Без этого невозможно решить:
 - ни проблему **качества принимаемых решений** (множество примеров принятия и от-

мены законов, указов и т.п.), что ведет к их отмене, пересмотру, корректировке. Порядка 80% законов — это поправки к ранее принятым законам и нормативным актам;

- ни проблему соответствия **качества элиты** основным требованиям:
 - профессионализм (опыт);
 - образование;
 - нравственность;
 - креативность.

12. Без идеологического управления невозможно решить ключевые проблемы:

- терроризма;
- коррупции;
- эффективности экономического развития и т. д.

Несмотря на официальные заявления представителей украинской правящей политической элиты и приостановку процесса подготовки к подписанию Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, неясность позиции Украины в данном вопросе сохраняется **вплоть до последнего дня заседания «Восточного партнерства»**. В итоге, хотя Украина и не подписала Соглашение об ассоциации, курс Украины на евроинтеграцию был подтвержден на декларативном уровне. Так, по словам В. Януковича, Украина и ЕС «вышли на завершающий этап подписания Соглашения об ассоциации», которое планируется «подписать в ближайшей перспективе». Данный документ будет подписан после «осуществления программы совместных мер, направленных на адаптацию экономики Украины к новым реалиям», «разработки и реализации программы финансово-экономической помощи», «введение безвизового режима для граждан Украины» со стороны ЕС, — подчеркнул Президент Украины. Вышеуказанные мероприятия, наряду с программами финансовой помощи, смогут минимизировать негативные последствия для украинской экономики в случае введения экономических мер со стороны стран-участниц Таможенного союза. В результате, по словам советника Президента Украины А. Гончарука, «ближайшей возможностью для подписания Соглашения об ассоциации будет Саммит Украина–ЕС», проведение которого запланировано на март 2014 г.⁵²

Важно подчеркнуть, что в условиях сохраняющегося дуализма внешнеполитических подходов Украины и раскола украинской политической элиты в отношении приоритетности векторов внешней политики, ключевыми элементами, определяющими систему украинских внешнеполитических приоритетов, являются политические и финансовые факторы. Речь идет об уровне влияния внешних акторов на украинскую внутриполитическую ситуацию, величине финансовых и экономических выигрышей, позиции региональных лидеров, соотношении политических сил в рамках правящей политической элиты Украины, бизнес-интересах и лоббистских воз-

можностей крупнейших финансово-промышленных групп данного государства. В этой ситуации выбор между европейским и евразийским направлением носит не идеологический и ценностный, а ситуативный и прагматический характер, — считают некоторые эксперты. В то же время стратегическое, геополитическое значение Украины огромно: ситуация в Евразии, в случае вступления Украины в ТС и ОДКБ, меняется принципиально, качественно. Новый центр силы в Евразии появится де-факто, причем с ним будут вынуждены считаться как в Евросоюзе и США, так и в Китае и АТР.

Политическая (и военно-политическая) суть «Восточного партнерства», как правило, остается в тени, хотя в ЕС особенно и не скрывается. Так, председатель Европейской комиссии (ЕК) Жозе Мануэл Баррозу выступил в декабре 2013 г. на сессии Европейского парламента с ежегодным посланием о состоянии Союза, в котором, по его оценке, на данном этапе основная угроза этому объединению — политическая, а не экономическая. С учетом того, что в 2014 году исполнится 100 лет с начала Первой мировой войны, он сказал, что интеграция открыла путь к стабильному миру на континенте. «Напомню всем, кто радуется трудностям Европы, кто хотел бы свернуть нашу интеграцию, вернуться назад, к изоляции, то есть к Европе до интеграции, к войне, к траншеям, — сказал председатель ЕК. — Народы этого не хотят, они этого не заслужили»⁵³.

Важно подчеркнуть, что военно-политический фундамент ЕС будет оставаться и в будущем главной опорой для конфедерации европейских стран. В том числе и **для их политики на востоке**.

Россия не может противопоставить этим действиям ни адекватного экономического, ни даже гуманитарного противодействия. Остаются только политико-дипломатические средства, которые сегодня представлены идеей евразийской интеграции. К сожалению, пока что эта идея не приобрела системный характер, включающий политическую, военную и гуманитарную составляющие. Либеральная идеология «западничества» остается реальной угрозой для национальной идентичности и в конечном счете суверенитета России и сегодня. В разных формах она проявляется как альтернатива российской цивилизации и евразийской концепции. Примером может стать, в частности, следующее рассуждение профессора А. Зубова: «Пережив в XX веке „полную гибель всерьез“ и народа своего, и своей культуры, русские теперь не имеют причин ни к самопревозношению, ни к самовлюбленному учительству. Возрождая в себе общечеловеческое, учась у других, близких и дальних, обращаясь к основаниям так бездумно утраченной собственной родовой жизни, мы ныне начинаем новый и невероятно трудный процесс восстановления национальной самобытности. Процесс, немыслимый вне общечеловеческого, вне христианского, вне европейского опыта»⁵⁴.

Попытки создать интеграционные евразийские объединения встречают серьезное сопротивление как собственно национальных элит, так и правящих кругов тех стран, которые видят в них препятствие для установления контроля во всей Евразии и АТР, что хорошо видно на примере соперничества в ЦА. В 1996–2000 гг. соперничество США и России за влияние в СНГ стало характерной чертой американской внешней политики. В 1997 г. США включили Центральную Азию в «зону ответственности» командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая кон-

тролирует ситуацию на Среднем Востоке. При этом командующий CENTCOM генерал Т. Фрэнкс отметил, что действия его группировки в постсоветской Центральной Азии будут в существенной степени определяться тем, какую политику эти страны проводят в отношении России»⁵⁵ — справедливо пишет А. Казанцев.

Таким образом, результаты евразийской интеграции во все большей степени будут зависеть как от способности России, так и других стран активизировать этот процесс. Причем не только в экономической области, но и в относительно новых областях интеграции, среди которых на первый план выходит процесс интеграции в военно-политической области, прежде всего воздушно-космической обороне. Именно в этом процессе концентрируются новые перспективные направления евразийской интеграции — безопасность, научное, промышленное и гуманитарное сотрудничество, подготовка кадров и др. И как показали последние годы противодействие евразийской интеграции извне и отчасти правящих элит самих евразийских государств идет по нарастающей, вступая в острую фазу. Не только на Украине, но и в Казахстане, Белоруссии и даже России правящие элиты еще не до конца осознали критическую важность реализации идей евразийской интеграции не только для социально-экономического развития, но и для безопасности и сохранения суверенитета.

Сценарий и этапы развития ВПО на основе процесса евразийской интеграции

Типичные для начала прошлого десятилетия представления о демилитаризации мировой политики оказались иллюзорными⁵⁶.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Цивилизация — это совокупность этнических обществ, объединенных на протяжении длительного исторического периода общими культурными, религиозными, политическими и экономическими укладами⁵⁷.

*В. Энтель,
Президент Европейского центра
развития демократии*

Наиболее предпочтительным и, возможно, единственно эффективным сценарием для России будет создание евразийской коалиции как реальной альтернативы трем не благоприятным сценариям развития ВПО в Евразии. При этом важно понимать, что такой сценарий может быть реализован только последовательно, через его отдельные этапы. Сегодня, в «классическом» понимании евразийская интеграция также исходит из необходимости развития по этапам — от ТС к Евразийскому экономическому союзу (ЕАСТ)

и далее (договор о котором не предполагает радикальных отличий от ТС).

Вместе с тем такое понимание сегодня уже не соответствует стратегическим потребностям России по следующим соображениям:

— ЕАСТ не предполагает какой-либо значимой интеграции в других областях. В частности, Белоруссия полагает, что необходимо исключить из компетенции ЕАСТ «формирование единых принципов функционирования экономики», а Казахстан предлагает оставить часть экономи-

- ческих вопросов в национальной компетенции и не выходить за рамки экономического сотрудничества⁵⁸;
- несмотря на то, что заинтересованность в евразийской интеграции уже высказали более 20 стран, расширение процесса пока идет медленно, фактически ограничиваясь только Киргизией и Арменией;
 - медленно расширяются другие области интеграции, прежде всего политическая и военная. Хотя нельзя сказать, что ситуация находится в стадии стагнации, такое сотрудничество отстает от темпов роста влияния стран Евросоюза, США и Китая;
 - но, главное, то, что продолжают слабеть позиции России в ее восточных регионах и в АТР, переход к опережающему их развитию на практике так и не произошел, что существенно ослабляет силу интеграционного процесса.

Между тем представляется, что признание В. Путиным в своем декабрьском (2013 г.) послании Федеральному Собранию РФ того, что «восточный вектор развития России является её приоритетом не только на ближайшую, но и на отдаленную перспективу», означает гораздо больше, чем только опережающие темпы экономического развития восточных регионов. Формируется по сути дела **новая внешнеполитическая стратегия**, в основе которой лежит приоритетность евразийской интеграции в широком контексте — вся Евразия и АТР — с центральным местом «российского ядра».

Такая национальная стратегия предполагает не только экономическую интеграцию, но и:

- выдвигание идеи, привлекательной для других стран, частью которой может быть идея евразийской безопасности;

— выход интеграции за рамки только экономической интеграции в политическую и военную области;

— комплексное, в т.ч. военно-политическое опережающее развитие восточных регионов России как базы для такой интеграции в Евразии и АТР, в т.ч. развитие ОПК, наукоемких производств и военного потенциала зауральских регионов. Как справедливо заметил председатель Законодательного собрания Красноярского края А. Усс, «Мир изменчив — меняются и геополитические приоритеты. На протяжении нескольких веков именно Москва и прилегающие к ней территории ассоциировались с опорой на внутренние, исконно славянские ценности. Намерение «прорубить окно в Европу» предопределило появление Санкт-Петербурга. Последовательное усиление роли Юго-Восточной Азии, которое происходит на наших глазах, делает все более актуальной высказанную десять с лишним лет назад идею о переносе российской столицы в один из сибирских городов⁵⁹.

Такой «поворот на Восток» во внешней и внутренней политике России полностью отвечает военно-политическим потребностям России, может дать возможность перерастанию гипотетического сценария развития ВПО в реалистический. В этом случае этапы реализации такого сценария могут быть следующими (табл. Этапы развития интеграционного сценария).

На сегодняшний день наиболее реалистические сценарии развития ВПО в Евразии — экспансия Евросоюзом во главе с Германией и расширение военно-политического влияния КНР на ЦА, Ю.-В. Азию и С.-В. Азию — не оставляют для России иного выхода как формирование на базе «российского ядра»

Этапы развития интеграционного сценария

до 2020 гг.	до 2030 гг.	до 2050 гг.
1. Приоритетное экономическое и социальное развитие восточных регионов России, создающее потенциал для сотрудничества в АТР и на востоке Евразии	1. Выход на уровень социально-экономического развития ведущих стран Ю.-В. Азии регионов, включая НЧК и улучшение демографической ситуации	
2. Развитие инфраструктуры и транспортных коридоров для увеличения объемов сотрудничества между Западом и Востоком	2. Создание современной инфраструктуры: – транспорта; – связи; – информатики	
3. Приоритетное развитие ОПК и ВС восточных регионов, создание объединений	3. Создание мощных ВС на базе ВО и ТФ	–
4. Развитие ВТС и военно-политического сотрудничества в Евразии и АТР	4. Формирование устойчивого рынка и долгосрочного сотрудничества в военно-политической области с рядом стран АТР	
5. Формирование системы евразийской безопасности, включая объединения ВКО и других соответствующих механизмов	5. Создание реальных механизмов обеспечения безопасности в Евразии и АТР	

коалиции евразийских государств, которых по тем или иным причинам не устраивают указанные выше оба сценария.

Таким образом, речь идет не о заявке России на гегемонию в Евразии и готовности некоторых стран согласиться с такой гегемонией, а о **вынужденном** политическом шаге со стороны этих стран, которые не хотят потерять свою идентичность, растворившись в качестве периферии ЕС или Китая.

В пользу России говорят следующие аргументы:

- С геополитической, пространственной точки зрения именно Россия (а не, например, Индия) может претендовать на центр Евразии;
- С военно-технической точки зрения, только Россия (и в будущем Индия) может претендовать на создание современных ВиВТ, прежде всего стратегических и систем ВКО;
- С культурно-исторической точки зрения, православная специфика России никогда не мешала развитию идентичности других наций.

Если допустить, что основной группой противоречий в XXI веке станут межцивилизационные и ценностные, а также противоречия между центрами силы, то можно предположить, что формирование военно-космической системы евразийской безопасности будет проходить именно по этому водоразделу, а именно: базой для создания новых военно-политических коалиций (и развития существующих) станут цивилизационные системы ценностей и национальные интересы отдельных государств.

С этой точки зрения можно выделить следующие группы государств в Евразии, которые в той или иной степени уже определились со своим цивилизационным выбором, либо проходят трудный период самоопределения и национальной самоидентификации:

- либерально-демократические страны Евросоюза, США, ряд стран АТР;
- Китай;
- исламские государства;
- в меньшей степени Россия, постсоветские государства и ряд стран Евразии, где этот процесс идет очень противоречиво.

Иными словами, теоретически вероятно, что формирование будущей системы евразийской безопасности (в условиях отсутствия договоренности всех стран Евразии, как это случилось в Европе в 1975 году) будет происходить через **создание военно-политических союзов и коалиций на цивилизационной основе** и на основе групповых интересов отдельных стран Евразии.

Естественно, что этот процесс достаточно определен пока что только для одной группы стран, которые уже создали такую коалицию — НАТО. Причем глобальный характер этого регионального блока уже не вызывает сомнений. Также не вызывает сомнений, что члены этого союза будут стремиться во что бы то ни стало не допустить созда-

ния других военно-политических союзов и блоков в Евразии.

Сложнее с другими группами государств, которые теоретически могут создать свои союзы и коалиции. Если для КНР можно допустить единственный вариант «китаецентричного» союза, куда будут входить те или иные государства, полностью инкорпорированные в китайскую политику, либо находящиеся под влиянием доминирования Китая в какой-либо организации (например, ШОС), то для исламских государств этот процесс неизбежно будет сопровождаться острым соперничеством не только по межконфессиональному признаку, но и иным причинам.

Еще сложнее с союзом, во главе которого может встать Россия. Можно допустить, например, что (используя терминологию В. В. Энтеля) ряд государств «объединены ... общими укладами»⁶⁰ — длительным сосуществованием в российской империи и последующим социалистическим периодом. Но главное, наверное, все-таки в том, что значительному числу государств Евразии, которым предстоит сделать геополитический выбор, предстоит выбирать не между цивилизационной близостью и ее отсутствием, а между абсолютным неприятием какого-то центра силы и вынужденным союзом. Что в принципе достаточно часто повторяющаяся в истории ситуация, когда речь идет о безопасности государства, сохранении системы национальных ценностей и власти.

По сути дела, для евразийских государств выбор прост: либо присоединиться на жестких и, как правило, тяжелых, неравноправных условиях (как показывают многочисленные примеры, в т.ч. с Украиной) к «евро-атлантическому ядру», либо «китайскому ядру», либо «российскому ядру» евразийской военно-политической интеграции. Каждая из стран будет решать по-своему. И Украина — очень наглядный пример. Вариант формирования системы евразийской безопасности «от Лиссабона до Владивостока» представляется весьма гипотетическим. Скорее всего, его ждет та же участь, что и идея «всеобъемлющей европейской безопасности» которая была проигнорирована Западом, но при этом вполне устраивают механизмы НАТО и Евросоюза.

Пока что соотношение сил очевидно не в пользу «российского ядра» евразийской интеграции. По сравнению с «европейским» или «китайским» ядром Россия уступает качественно, принципиально:

- демографически и по качеству национального человеческого капитала (НЧК);
- объему и качеству ВВП;
- уровню развития технологий;
- численности и в ряде случаев качеству ВС, ВиВТ;
- идеологическому лидерству, привлекательности модели развития.

Вместе с тем у России есть и существенные конкурентные преимущества, которые она может

использовать для запуска евразийских интеграционных процессов в военно-политической области. В частности, речь идет о:

- возможности использования общих для стран Евразии систем ценностей и интересов безопасности;
- наличии СЯС и — что особенно важно — систем ВКО;
- географическом и геополитическом положении;
- потенциально возможной реинтеграции постсоветского пространства на основе существовавших общих экономических, культурных и иных связях и ценностях;
- привлекательности для целого ряда евразийских государств (по ряду причин опасавшихся американского, европейского или китайского лидерства) российского «интеграционного ядра». Не случайно интерес к ТС проявили не только постсоветские страны, но и Вьетнам, Индия, Турция, Мьянма — всего более 35 государств Евразии.

Таким образом, не противопоставляя себя Евросоюзу, Китаю и Индии в военно-политическом плане, Россия может **сформулировать в качестве стратегической цели создание евразийской системы безопасности**, где «российское ядро» (и, соответственно, партнеры и союзники России) участвовали бы не в качестве сателлитов и младших партнеров, а в качестве полноправных партнеров с формирующимися военно-политическими союзами Запада и Китая.

Реализация подобного подхода имела бы огромное значение для военной доктрины России, как минимум, по следующим основаниям:

- Россия и ее военная доктрина четко ограничивали бы пространственно применение Вооруженных Сил воздушно-космическим пространством и территорией Евразии (с прилегающими районами Арктики и АТР);
- военная доктрина России исходила бы из представлений о защите интересов евразийской безопасности, включая возможность формирования в том или ином виде военно-политической коалиции;
- военная мощь России опиралась бы на экономический, демографический и другие потенциалы евразийских государств, что значительно увеличило бы совокупную мощь коалиции, возможности ОПК и Вооруженных Сил входящих в нее держав. Достаточно сказать, что участие в такой коалиции только Украины, Белоруссии, Казахстана и Вьетнама позволило бы радикально изменить соотношение сил не только в Евразии, но и в мире;
- потенциал коалиции в Евразии позволил бы развивать в общих интересах ВиВТ, прежде всего ВТО и системы ВКО, а также вооруженные силы, резко усилил бы общий военный

потенциал и повысил уровень сотрудничества в области передовых достижений науки, технологии и ВТС.

Надо понимать, что формирование подобной военно-политической коалиции не самый лучший, но, пожалуй, наиболее реальный способ обеспечения евразийской безопасности. Геополитически, для России приоритетным направлением во внешней политике было бы формирование единой системы евразийской безопасности, включающей (а не противопоставляющей) страны Евросоюза, Китай, Индию и США. Однако в реальности пока что прослеживаются тенденции создания отдельных систем безопасности в Евразии — для США и Европы (атлантической) Китая (китайско-центричной, возможно, при лидерстве в ШОС) и, в перспективе, — Индии. Таким образом, Евразийская военно-политическая интеграция для многих стран реальная и по сути дела **единственная альтернатива усиливающемуся напряжению в Евразии и АТР**. К сожалению, правящие элиты большинства государств еще только начинают осознавать неотвратимость такого выбора, всеми силами стремясь его избежать.

Пока что ситуация в этих странах развивается по классическому сценарию: изменение в соотношении сил в мире (особенно быстрое идущее в Евразии и АТР) ведет к изменению сил военных, а также быстрому наращиванию военных бюджетов, ВиВТ, пересмотру стратегических планов и других военных приготовлений. Параллельно идет и процесс формирования военно-политических коалиций и двусторонних военно-политических соглашений, что стало особенно характерным в начале XXI века для политики всех стран Евразии и АТР. Этот классический вариант полностью учитывается и реализуется США и странами Евросоюза, но отнюдь не другими евразийскими государствами.

Россия не может не видеть того, что на западе Евразии идет уже более 20-и лет продвижение на восток. Развал ОВД, раскол СССР привели к тому, что восточные границы НАТО и Евросоюза вплотную приблизились к нашей стране и другим странам Евразии. По сути дела вся европейская часть нашего бывшего единого государства становится объектом западной экспансии — вплоть до Грузии, Армении и Украины. Бывший единый этнос уже расколот, а после присоединения Грузии и Украины к Евросоюзу и НАТО Россия окажется фактически вытесненной из Восточной Европы и всей западной Евразии.

Но процесс на этом отнюдь не остановится. Геополитической целью западной военно-политической коалиции является контроль над всей Евразией, вплоть до Китая. Это означает прежде всего изменение культурно-ценностной системы российской нации, ликвидацию суверенитета не только в европейской части России, но и в Сибири и на Дальнем Востоке, контроль над территорией и ресурсами с целью изоляции Китая с севера и запада.

Приоритет создания системы евразийской безопасности

Все цивилизации являются в некоторой степени результатом географических факторов, но история не дает более наглядного примера влияния географии на культуру, чем историческое развитие русского народа⁶¹.

*Г. Вернадский,
историк*

Евразийский союз — открытый проект⁶².

*В. Путин,
Президент России*

Вероятную будущую конфигурацию соотношения политических, экономических и военных сил в мире и Евразии можно характеризовать как:

- формирование в ближайшей перспективе двух центров силы в Евразии — Евросоюза и Китая, — а также в долгосрочной перспективе к 2030–2040 гг. Индии и союза исламских государств;
- гипотетическую возможность создания Евразийского союза как нового центра силы с «российским ядром»;
- труднопрогнозируемые тенденции развития технологий, ВИТ и усиление значения технологического соперничества;

В этой связи логически можно констатировать, что наиболее приоритетной задачей России является использование политико-дипломатических и гуманитарных средств для **создания системы евразийской безопасности в противовес формирующимся системам — НАТО и КНР**, — и возможным будущим центрам силы.

Отсутствие общей системы безопасности в Евразии в настоящее время — очевидный факт, требующий, однако, дополнительных комментариев.

Первое. В условиях относительной технологической, экономической и военной слабости России она объективно заинтересована в максимальной активизации политико-дипломатических инструментов и создания эффективной системы евразийской безопасности.

Любая активность в этом направлении выигрышна для нашей страны так как в той или иной мере ослабляет способность США и других стран использовать военную силу в качестве инструмента своей внешней политики. Другими словами, политика по формированию системы безопасности выгодна в любых обстоятельствах и требует активизации.

Второе. Реальным политическим инструментом для создания системы безопасности в Евразии является политика евразийской интеграции в ее широком понимании, т.е. пространственно включающая большинство стран от Лиссабона до Владивостока, а содержательно охватывающая все области — от экономики и торговли до военного и гуманитарного сотрудничества.

Третье. Учитывая, что первые два вывода не гарантируют достижения конечной цели — создания

системы евразийской безопасности — следует иметь в виду, что по мере усиления военных угроз необходимо будет (не оставляя названные два направления) исходить из вынужденной подготовки России в военно-политической и военно-экономической области.

Интеграция воспринимается в массовом российском общественном сознании как постепенный и поступательный процесс от торгово-экономической интеграции к валютной, политической, военной. В качестве примера, как правило, приводится интеграция в рамках ЕЭС (начиная с объединений 50-х годов XX века), что в реальности, однако, не соответствует действительности. В действительности, — и это объективная реальность, — только экономическая, а, тем более, торговая выгода не может стать основой для интеграции. Что подтверждает в том числе и история наиболее успешного интеграционного проекта — Евросоюза, — в основе которого лежали:

- **во-первых**, общие интересы безопасности, стран Европы не допустить новой войны на континенте;
- **во-вторых**, схожесть общих систем ценностей христианско-иудейской цивилизации Европы и стремление их развить и продвинуть в мире;
- **в-третьих**, общность политических интересов по отношению к другим странам Евразии, США и иным регионам.

Таким образом, общей основой в истории интеграции всегда являлась общность интересов в вопросах безопасности, даже выживания наций и совпадение политических интересов и ценностей. Это утверждение справедливо не только для древних коалиций или, например, объяснения присоединения Украины и Грузии к России, но и для западноевропейской интеграции 1950-х–1980-х годов.

Современная концепция евразийской интеграции, к сожалению, исходит не из общности системы ценности и интересов безопасности, а из представлений «об экономической выгоде», которая лежит в основе этого процесса, даже примитивном торгашестве. Это объясняет не только непоследовательность процесса евразийской интеграции в 2011–2013 годы, но и ограниченность состава его участников и интеграционных форм.

Представляется, что требуется **пересмотр этой концепции** в более широкий военно-политический контекст. Стратегию, целью которой является создание системы евразийской безопасности, как конечно-го продукта евразийского интеграционного процесса. Такая система предусматривала бы участие в ней всех основных существующих и будущих центров силы в Евразии, а именно:

- Евросоюза (и стоящих за ним США);
- Китая (ШОС);
- России (ТС);
- Индии;
- исламских государств.

Понятно, что на первом этапе проведения такой политики она будет встречена настороженно, даже отрицательно со стороны других центров силы, поэтому основной упор необходимо сделать на усилении «российского ядра», превращения его в альтернативный и привлекательный для евразийских стран центр силы.

Важно подчеркнуть, однако, что уже на этом этапе необходимо расширить **пространственно и функционально** политику евразийской интеграции на решение военно-политических вопросов сотрудничества (прежде всего в области ВКО) и формирование общей евразийской системы ценностей.

Необходимо признать, что в современной Евразии не существует сколько-нибудь эффективной системы безопасности для всех государств. Более того, в последние десятилетия идея региональной безопасности становится все менее реальной, ориентированной на обеспечение безопасности лишь одной группы государств, а именно стран Евросоюза. Фактически, расширение НАТО на восток превратило этот блок из регионального в глобальный, включив в зону его ответственности всю Евразию. События в Югославии, Ираке, Афганистане, позиция по отношению к Сирии и Ирану, свидетельствуют, что НАТО, как военно-политическая коалиция, являются в настоящее время единственной действенной международной силой по обеспечению безопасности (в понимании блока) на континенте. Естественно, так как это понимают в Североатлантическом союзе и с помощью каких средств это собираются обеспечить. Диапазон таких средств — от политического давления и «мягкой силы» — стал очевиден еще с конца 80-х годов.

На этом фоне существующие системы безопасности являются либо рудиментами, либо малоэффективными. Речь идет не только об ООН, ОБСЕ, но и об ОДКБ и ШОС. Последние можно рассматривать в лучшем случае только как начальный потенциал для создания системы безопасности в Евразии и АТР. Причем с оговорками, так как интересы входящих в эти объединения государств существенно отличаются от общего представления, существующего, например, в НАТО.

Примечательно, что позитивный опыт европейской интеграции (опирающийся на общность интересов

безопасности), не учитывается в евразийских подходах. Альтернативами этой силы можно было бы считать ОДКБ, которая имеет потенциал для развития, но пока что себя не утвердила, и ШОС, которая в полной мере не соответствует ни представлениям о внешнеполитическом, ни о военно-политическом союзе. Более того, не ясна еще до конца в этом смысле и роль КНР.

Конечно, существуют и другие мощные, национальные военно-силовые факторы — военные потенциалы Китая, Японии, Индии, Пакистана, КНДР и Республики Корея, других стран, которые могут играть важнейшую роль в обеспечении безопасности континента, но которые будут в конечном счете либо интегрированы в политику США и НАТО, либо ориентируются на самостоятельные цели, либо еще до конца явно не определились.

В этой связи огромное — политическое, военное, и, в конечном счете, даже историческое — значение будет играть политика России, способность ее элиты предложить общие и привлекательные интересы, цели и инструменты, которые смогут привести к созданию евразийской системы безопасности, основанные на самом широком представлении об интеграции в Евразии. По сути дела, у России нет иных возможностей нейтрализовать растущие военно-политические угрозы в Евразии иначе как политико-дипломатическими средствами. Одним из таких политических инструментов, например, может стать Договор о воздушно-космической безопасности в Евразии, который был бы частью более широкой договоренности о коллективной безопасности на континенте. Такой Договор являлся бы материальной основой обеспечения безопасности в Евразии и АТР, с одной стороны, и инструментом евразийской интеграции — с другой. Этот Договор, кроме того, отражал бы реальные **современные военно-политические особенности Евразии**, которые стали первопричиной, приведшей к резкому усилению конфронтационности на континенте в XXI веке. Эти особенности, выражаются, в частности, в:

- особой геополитической, экономической и исторической роли Евразии в мире, которая в ближайшее десятилетие будет стремительно возрастать. И не только из-за быстрых темпов развития Китая, Индии и других государств, о чем много говорят, но и из-за **выхода на политическую авансцену цивилизационных и геополитических противоречий**, нараставших в последние десятилетия;
- **возрастающей роли России в Евразии**, которая в будущем будет ключевой на континенте, но влияние которой пока не вполне соответствует этой роли. Особенно в регионах к востоку от Урала, где сосредоточен колоссальный потенциал и транспортные артерии мирового значения. Противодействие усилению России, а тем более появлению ТС и военно-политического союза в Евразии является **главной политической целью** Евросоюза, стратегия которого по отношению к России заключается в создании по

периметру страны ассоциированных членов из постсоветских государств;

- **концентрации мировых ресурсов, сосредоточенных в Евразии.** Причем не только энергетических, но и земельных, водных, лесных. При этом огромный человеческий потенциал Евразии, качество которого стремительно увеличивается (только за годы реформ в Китае более 350 млн человек получили высшее образование), станет неизбежно играть ключевую роль в мировом развитии;
- относительная **неуязвимость от внешнего воздействия «морских держав»**, — прежних мировых лидеров, — которая может быть ликвидирована только с развитием стратегических наступательных и оборонительных потенциалов. Прежде всего расположенных на авиационно-космических и морских носителях, которые определяют сегодня состояние евразийской безопасности.

Учитывая, что современные средства ВКО (ПРО и ПВО) в комбинации с высокоточным оружием являются фактически **синонимом суверенитета** — весь опыт последних войн это доказывает, — создание объединенной системы ВКО в Евразии может стать реальной альтернативой формирующейся сегодня системы безопасности, основанной на потенциале ПРО США и НАТО.

Более того, развитие систем ВКО предполагает как высокий уровень политического сотрудничества

и доверия, так и развития отношений в военно-технической области, высокую степень сотрудничества в области подготовки кадров, науки и техники, формирования финансовых и экономических инструментов интеграции.

Не случайно, что общая стратегия США и НАТО в Евразии и АТР во многом предусматривает перспективу создания «периферийных» систем ВКО — от Северного моря до Аляски, акваторий стран Ю.-В. Азии, Персидского залива и Средиземного моря. Эта перспектива является по сути одним из проявлений более общей стратегии соперничества, которая лежит в основе современной и будущей долгосрочной стратегии США. Эта стратегия не предусматривает создания системы безопасности в Евразии и АТР, противопоставляя этой идее военно-технологического соперничества в условиях сокращающегося влияния США и усиления Китая, Индии и России, которые в долгосрочной перспективе займут лидирующие позиции в первой пятёрке государств мира (соответственно: КНР — 1-е место; Индия — 2-е место; Россия — 5-е место). Более того, если «российское ядро» в результате успеха процесса евразийской интеграции объединяет не только страны ТС, но и Украину и ряд других стран, то Россия и ее союзники смогут претендовать на роль, сопоставимую не только со странами Евросоюза, но и США, сохраняя отставание при этом от КНР и Индии в долгосрочной перспективе.

¹ **Сценарий** — зд. детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.

² Рокоссовская А. Магистры мира // Российская газета. 2012. 27 сентября. С. 10.

³ Новые планы США: система ПРО окружит Китай / РИА «Новый Регион». Версия 2.0. 29 марта 2012 г. / <http://www.viperson.ru>

⁴ **Структура сценария** — зд. последовательная совокупность действий.

⁵ **Структура сценариев развития ВПО** — зд. последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы.

⁶ См. Главу I, Предисловие и первый раздел главы.

⁷ Публичный доклад Аналитической ассоциации ОДКБ // ОДКБ. 2013. С. 3–5.

⁸ Там же.

⁹ *Рогозин Д.* Робот встанет под ружье // Российская газета. 2013. 22 ноября. С. 17.

¹⁰ *Торкунов А. В.* Современная история России в международном контексте // Вестник. 2012. № 6. С. 7.

¹¹ SIPRI date base, 2013 / SIPRI.org

¹² Last Updated. October 28. 2011 / <http://www.defense.gov/ucc/>

¹³ *Кашин В.* Цит. по: Когда «азиатский дракон» достигнет военного паритета с США? / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 11 февраля / <http://eurasian-defence.ru/>

¹⁴ *Путин В. В.* Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» / Эл. ресурс: «Кремль». 2013. 19 сентября / <http://kremlin.ru/news/19243>

¹⁵ **Структура** — зд. синоним системы. Совокупность основных элементов и устойчивых связей между ними, воспроизводимых при изменяющихся условиях.

¹⁶ **Сценарий** — зд. детальный план (проект), существующий в виде документа или набора идей относительно долгосрочных политических целей. См., например: Меморандум. № 20/1 СНБ США («Задачи в отношении России»), План Маршалла («Программа восстановления Европы») и т. д.

¹⁷ **Структура сценариев ВПО** — зд. существующий (и перспективный) долгосрочный план, состоящий из основных субъектов и устойчивых взаимосвязей между ними ВПО.

¹⁸ *Рогозин Д. О.* Робот встанет под ружье // Российская газета. 2013. 22 ноября. С. 17.

¹⁹ Цит. по: *Гусев А.* По мнению президента России... / Эл. ресурс: «Наследие». 2014. 17 января / URL: <http://nasledie.ru>

²⁰ *Стрельцов Д.* Новая парадигма безопасности в Восточной Азии / Эл. ресурс: «Портал МГИМО(У). 2014. 20 января / <http://www.mgimo.ru/>

- ²¹ Данный раздел подготовлен в соавторстве с О. А. Подберезкиной.
- ²² Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 / URL: <http://www.scrf.ru/>
- ²³ Путин В. В. России необходимо национальное самоопределение // Российская газета. 2013. 19 сентября. С. 1.
- ²⁴ Тренин Д. Практичный подход к отношениям ЕС и России // Московский Центр Карнеги. 2014. 1 января. С. 3.
- ²⁵ См. подробнее: Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: «ЦВПИ» МГИМО–Университет — ОАО Концерн «Алмаз-Антей», 2014.
- ²⁶ Неклесса А. И. Преодоление Евразии // Независимая газета. 2013. 20 марта. С. 5.
- ²⁷ См., например, подробнее: Логинов А. В. Россия и Евразия. М.: Большая российская энциклопедия, 2013.
- ²⁸ Брюссель не может заменить Украине Россию — экс-президент Польши Валенса / Эл. ресурс: «Независимое бюро новостей». 2013. 26 ноября / URL: <http://nbnews.com.ua/>
- ²⁹ См. подробнее: Подберезкин А. И., Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: «ЦВПИ» МГИМО–Университет — ОАО Концерн «Алмаз-Антей», 2013. С. 239–251.
- ³⁰ Global Trends 2030: Alternative Worlds. 2012. December / NIC 2012-001 / URL: <http://www.dni.gov/nic/globaltrends>. P. 100.
- ³¹ Харкевич М. В. Материалы к аналитическому докладу «Приоритетные направления повышения производительности труда и реализация промышленной политики. М.: МГИМО–Университет, 2013. Декабрь.
- ³² Global Trends 2030: Alternative Worlds. 2012. December / NIC 2012-001 / URL: <http://www.dni.gov/nic/globaltrends>. P. 100.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. P. 101.
- ³⁷ См.: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. I; Т. II; Т. III. М.: МГИМО–Университет, 2011–2012 гг.
- ³⁸ Подберезкин А. И. Темпы роста ВВП и человеческий капитал / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2013. 8 октября / URL: <http://eurasian-defence.ru/>
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Милованова Л. Гиперзвуковой прорыв ВВС США: Насколько обеспечен успех вновь разработанных планов по ударному оружию и средствам доставки? / Военно-промышленный курьер. 2013. 24 января / Цит по: URL: <http://eurasian-defence.ru>
- ⁴¹ Барабанов О. Н., Клименко А. И. Перспективы формирования общего идеологического пространства России и Европейского Союза. М.: МГИМО–Университет, 2010. С. 17.
- ⁴² Юртаев В. Сердце Евразии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 21 января / URL: <http://topwar.ru>
- ⁴³ Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. 5 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁴⁴ Rogozin: В случае нападения Россия ответит ядерным ударом / Эл. ресурс: «Взгляд». 2013. 11 декабря / URL: <http://vz.ru/news/>
- ⁴⁵ Непродуктивный саммит в Вильнюсе // Независимая газета. 2013. 2 декабря. С. 2.
- ⁴⁶ Липидус В. Саммит «Восточного партнерства» в контексте внешнеполитической стратегии Украины / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 3 декабря / URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667993>
- ⁴⁷ URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:EU-Eastern_Partnership.svg?uselang=ru
- ⁴⁸ Шестаков Е. Еврокомиссары наносят «Удар» // Российская газета. 2013. 2 декабря. С. 5.
- ⁴⁹ Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 декабря.
- ⁵⁰ Подосенов С. СПЧ и НАК разработают идеологию развития страны // Известия. 2014. 12 февраля. С. 1.
- ⁵¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Выступление А. И. Подберезкина на совместном заседании «Изборского клуба» и Центра военно-политических исследований МГИМО(У): Информационные войны как угрозы для России. Новейшие виды организационного оружия». 2013. 12 декабря / Эл. ресурс: «Евразийская оборона» / <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁵² Липидус В. Саммит «Восточного партнерства» в контексте внешнеполитической стратегии Украины / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 3 декабря / URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667993>
- ⁵³ Васильевский В. Глава Еврокомиссии считает политическими основные угрозы для ЕС / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2013. 3 декабря / URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=667991>
- ⁵⁴ Зубов А. В ожидании «новой русскости» // Независимая газета. 2013. 8 ноября.
- ⁵⁵ Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО–Университет. 2013. 5 февраля / URL: <http://eurasian-defence.ru/>
- ⁵⁶ Торкунов А. В. Новые вызовы и новые приоритеты // Международная жизнь. 2004. № 6. С. 51.
- ⁵⁷ Энтель В. В. Империя — национальное государство или доживет ли Россия до 2014 года? // Мир и политика. 2012. Октябрь. № 10 (73). С. 17.
- ⁵⁸ Бутрин Д., Нетребя П. Объединиться — не значит договориться // Коммерсант. 2014. 12 февраля. С. 2.
- ⁵⁹ Усс А. В. Разворот на Восток // Независимая газета. 2014. 12 февраля. С. 5.
- ⁶⁰ Энтель В. В. Империя — национальное государство или доживет ли Россия до 2014 года? // Мир и политика. 2012. Октябрь. № 10 (73). С. 17.
- ⁶¹ Вернадский Г. В. Русская история. М. 1997. С. 12.
- ⁶² Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.

